ВИКТОР АРНАУТОВ

МУЙНЕ - ВЕТЕР С МОРЯ

(Дневниковые заметки кемеровского туриста)

КЕМЕРОВО
РПА «РЕКТАЙМС»
2020

ББК 84(2Рос=Рус)6
А 84
Арнаутов Виктор Степанович.
Муйне – ветер с моря. Дневниковые заметки кемеровского туриста. / В.С. Арнаутов.- Кемерово: РПА «Ректаймс», 2020. – 90 с. с илл.

Эта книга – уже третья из цикла «Дневниковые заметки кемеровского туриста» о курортном Вьетнаме после книг «В стране миллионеров» и «Нячанг – белые дома».

Вьетнам – страна, уникальная. И не только с точки зрения климатических условий и благоприятного тёплого моря с обилием морепродуктов и тропических фруктов. Это ли уже не повод для туристического паломничества сюда из европейских стран, а особенно – России, тем более - сибиряков, где зима длится половину года?! А если добавить к этому ещё и сравнительно недорогой сервис и дешёвые фрукты, овощи; весьма качественные винные напитки, пиво, ром и недорогие рестораны с разнообразной национальной кухней… Это ли не дополнительный магнетизм для туристов среднего достатка?

Наконец, тропическо-морскую экзотику для приезжающих сюда туристов значительно дополняют быт, культура и история страны, территория которой всего-то с Томскую область или в три с половиной Кузбасса! Зато население её уже приближается к 100 миллионам человек, с продолжительностью жизни – под 85 лет… Короче, чтобы хотя бы бегло и поверхностно ознакомиться с этой страной, одной-двух турпоездок сюда явно недостаточно. Как и трёх моих малостраничных книжек с путевыми заметками…

Буду весьма рад, если кого-то из моих читателей заинтересует то, о чём я тут написал. А для кого-то эта книжка явится побудительным мотивом – съездить (пока ещё не очень дорого) в эту страну и воочию увидеть, сравнив свои впечатлениями с тем, о чём написано здесь.

Автор

Компьютерный набор и редактирование автора.
Обложка и дизайн – Светлана Янченко.
Вёрстка – Вадим Антипов.

3

МУЙНЕ – ВЕТЕР С МОРЯ

(Дневниковые заметки кемеровского туриста)

Несбывшиеся мечты

Человек предполагает, а обстоятельства располагают – пожалуй, тут будет более уместным изменённый вариант известного афоризма. И вот почему. Бывая за границей в зимнее по нашим сибирским меркам время, мы с женой всякий раз сожалеем о том, что с нами нет наших внуков. Это сколько же неподдельной радости было бы у них, плещущихся в бассейне отеля или в тёплом море и при виде всего необычного! Ну, и для нас – один вид их восторгов тоже прибавлял бы положительных эмоций, делая и само туристическое пребывание за границей разнообразнее и впечатлительней.

Вот мы с женой Людмилой и решили в очередную поездку взять с собой девятилетнего внука Николку. Мало того, я уже и чемодан для этих целей подарил ему и выделил из своего бюджета деньги как на оплату турпутёвки, так и на его предполагаемые там карманные расходы. Ну и он сам тоже был очень даже настроен на такую поездку. Видимо, грезил ею, рисовал в своём воображении и море, и невиданные страны, и то, какие подарки-сувениры привезёт он и подарит своим друзьям, сестрёнке, маме…

А ещё, (если это не было основной побудительной причиной для принятия такого решения): мне очень хотелось как-то приблизить его к себе, всё больше удаляющегося и замыкающегося в собственном внутреннем мирке и блуждающего в компьютерных виртуальных сетях. И не только тем, что эти две недели мы пробудем вместе. Я настраивал его (и себя) на то, что там мы будем делать свои ежедневные дневниковые записи, а, вернувшись домой, сделаем с ним в соавторстве и издадим общую книжку! Идея эта уж очень захватила нас обоих…

Я уже мечтал, как мы с ним организуем презентацию этой книжки у них в школе, в его классе, в классе младшей сестрёнки-первоклашки Алёны…

Увы. Буквально перед тем, как пойти мне за путёвками в турагентство, и я забрал уже у него оформленный загранпаспорт, возникло неожиданное препятствие: его отец категорически запретил нам взять Николку с собой, то есть не дал письменного согласия на поездку сына с нами за границу. А без разрешения родителей (обоих) никто его за границу не выпустит, пусть и с родными бабушкой и дедушкой. Формальной мотивировкой запрета было то, что мы, якобы, уже пожилые люди, и мало ли что по нашему недогляду может случиться там с его сыном, да и с нами самими…

Да-а-с! Вот это удар-сюрпризец! И не столько по нелюбимым тестю с тёщей, сколько по собственному сыну… Ну, и что и кому он доказал этим запретом? По крайней мере, любви и уважения к себе он не добавил…

Итак, настроение наше изрядно подпортилось, вплоть до того, а стоит ли вообще нам одним на сей раз куда-то ехать отдыхать? И куда?

Выбор, предлагаемых турагентствами тропических стран, был невеликим. В принципе, уже исчерпанный нами: Индия (Гоа), Китай (Хайнань), Таиланд (Паттайя или Пхукет) и Вьетнам. И везде мы уже побывали. Хотелось хотя бы какого-то разнообразия и новизны.

Две последних поездки во Вьетнам (Нячанг, Далат) оставили после себя только положительные эмоции. И всё же, в третий раз поехать туда же – было менее привлекательным. Правда, интриговал южный Вьетнам – Фантхиет, Фукуок, где мы ещё не бывали. А тут ещё одно обстоятельство: во Вьетнам, в Муйне, буквально накануне взяли путёвки мой брат с женой, что живут в Красноярске. Да и от своего давнего друга-томича неоднократно слышал

о том самом курортном Муйне, что находится совсем рядом с городом Фантхиет…

Канун полёта

Волей случая, забрёл я в одно из отделений турагентства ANEX TOUR («Анекс тур»), что находится в Кемерово напротив «Лапландии». Очень миловидные и симпатичные девицы, сотрудницы агентства Маша и Настя, встретили меня радушно и доброжелательно. И со всем профессионализмом, выяснив цель моего визита к ним, стали предлагать различные варианты поездки – в наиболее привлекательные для нас страны и время.

Остановившись на Вьетнаме и его курортной зоне в пригороде Фантхиета Муйне, Настя стала подыскивать для нас подходящий отель – из учёта наших запросов и, главное, наших же финансовых возможностей. Отдавая предпочтение трёхзвёздочным (для двух неработающих пенсионеров более «звёздные» - накладно), я выбрал отель *«SUN & SANDS»,* находящийся прямо на пляжном берегу. Привлекательным был и его внешний вид на фотографиях - с милым двориком в цветах и пальмах, бассейном, просторным залом ресторана и завтраками в нём. Немного огорчило то, что цены на турпутёвки за последние два года выросли едва ли не на четверть. И если в прошлый раз мы заплатили порядка 64 тысяч рублей, то теперь путёвки на двоих стоили уже 78 тысяч. Но – куда деваться, торги здесь, как говаривают, неуместны.

Оформление путёвок и всего сопровождающего их не отняло долго времени. Ещё большего расположения к себе я добился тем, что подарил этим девушкам по своей книжице с автографами из цикла «Записки кемеровского туриста» - «Нячанг – белые дома» и «Гоа – это тоже Индия?!», вызвав тем самым у них неподдельные и искренние удивления: «Какие люди к нам заходят и являются нашими клиентами!».

Итак, Вьетнам, Муйне, отель *«SUN & SANDS»,* сроки путёвки и нашего пребывания во Вьетнаме с 23 января по 4 февраля. Ну, что ж, как будто даже и весьма неплохо.

Придя домой, тут же набрал в поисковике название отеля. Посмотрели с женой множество фотографий. Впечатляет. Почитали отзывы отдыхавших там. Они были весьма разными: одним понравилось до восторгов, другие отзывались об этом отеле не очень лестно. Естественно, негативные отзывы, где отмечалось, что пляжная зона отеля – весьма замусорена, а рядом течёт зловонный ручей, мажорного настроения, от выбранного мною отеля, второй моей половинке не прибавило. А тут ещё одна туристочка сообщила, что у неё из сейфа в последний день пребывания в отеле украли оставшиеся деньги… Да-а-а… Такое однажды (за шесть заграничных поездок) случилось и с нами, в Индии. Правда украли у нас не из сейфа, а из сумки, и тоже в самом конце срока нашего отдыха там… Ну, что ж…Как говорится, жребий брошен. И всё же – надеемся, что нас это не коснётся. Ну, а на месте будет виднее, что и как. Сориентируемся, не впервой. К тому же, не такие уж у нас и запросы к условиям, как у некоторых нынешних избалованных соотечественников.

22-23 января 2020 г. Полёт. Аэропорт Камрань. Трансфер (дорога: Камрань – Кана - Муйне)

Похоже, чартерный авиасервис начинает помаленьку исправляться в лучшую сторону. Впервые за всё время, а это уже седьмое загранпутешествие, наш чартерный рейс из Кемерово под номером 4244 на Камрань вылетел с опережением первоначального графика (значилось в путёвках 0.15 23 января) на два часа. Правда, об этом изменении времени вылета мы были заблаговременно проинформированы. Тем не менее, оставались ещё некоторые сомнения по поводу пунктуальности… Ан – нет, всё обошлось. Авиаперевозчиком на сей раз была

авиакомпания «ASURair», услугами которой нам уже приходилось однажды воспользоваться. При этом было теперь и некоторое новшество. Оказывается, сейчас можно было уже из своего дома по интернету зарегистрироваться на этот рейс, выбрав для себя лучшие места. И даже на обратный рейс. Увы, этого мы не сделали, а потому при регистрации билетов нам досталось то, что осталось, и даже в разных рядах. Правда, в самом первом салоне.

Паспортный контроль и досмотр багажа с ручной кладью прошли без проволочек и проблем. Никаких претензий к содержимому наших чемоданов и сумок не было. И загрузились в самолёт быстро, заняв свои места. Хотя, на взлётке пришлось почему-то простоять с работающими моторами не менее получаса. Зато наверстали упущенное время в полёте, который, как и обещал командир корабля, длился ровно семь часов. Так что в аэропорту вьетнамского городка Камрань мы были уже в 5.30 утра. А местное время – что у них, что у нас – одинаковое. И это хорошо, не надо периода адаптации.

Сам полёт ничем особо не отличался от предыдущих: после обязательного инструктажа и набора высоты, стюардессы принялись разносить пассажирам напитки, а чуть позднее – и завтрак. При этом замечаю, что с каждым полётом завтраки (обеды), а тем более ланчи, становятся всё скуднее. Видно, экономят и на этом.

Весь полёт проходил ночью, так что смотреть в иллюминатор, у которого оказалось моё место, было практически бесполезно. Уже через полчаса полёта за окнами была сплошная темень. И лишь спустя половину, внизу стали появляться огни, которых было будто чёрт репу насеял: где густо, а где пусто. И только ближе к окончанию полёта внизу, сплошняком – от горизонта до горизонта – всё было расцвечено огнями. Мы пролетали явно над каким-то очень большим городом Китая, возможно, над Гонконгом. И уже на самом подлёте к

Камрани, небо стало светлеть с востока, а внизу я начал различать водное пространство с огоньками рыбацких лодок. Посадка, как и взлёт, прошли довольно мягко. Салоны самолёта, наполненные пассажирами, единовременно выдохнули напряжённое ожидание, переходящее в искренние и радостные овации в адрес экипажа самолёта!

Пока выгружались из самолёта и выходили из него через трап-рукав прямо в здание аэровокзала, на свежем воздухе становилось всё светлее. Только-только зарождался новый день на вьетнамской земле – первый день нашей туристической поездки. И на улице – пока всего ещё только + 25. Настоящее лето! Это ли не благо, к которому мы, сибиряки-россияне, так стремимся, особенно морозной и длинной зимой!

Попав в здание аэровокзала ***Камрани,*** мы изрядно подивились новшествам! Некогда тесный аэровокзал и взбудораженный от разномастной толпы пассажиров, был неузнаваем: просторные и огромные залы; блестящие мраморные полы, панели стен и колонн, словно зеркала, отражали нас, суетливо-растерянных. Оказывается, из-за растущего пассажиропотока, основными воротами которого в южную часть Вьетнама и являлся Камрань, было решено перестроить старое здание, значительно (раза в 4-5) расширив его. И в том им немало помогли не такие уж и далёкие недруги – китайцы. А они-то работать умеют! И быстро, и если того необходимо – качественно. Сегодняшний аэровокзал Камрани Вьетнама нам чем-то напоминал мега-аэропорт тайского Бангкока!

Одновременно с нами, сибиряками-кузбассовцами, как и прежде, прибыл сюда авиаборт из Китая – на празднование Нового года Тэт по восточному лунному календарю, который в этом году приходится на 25 января. При этом, китайцам, в отличие от нас, на пунктах паспортного контроля, отдавалось предпочтение. То есть, в

первую очередь пропускали их. Как нам пояснили позднее, на то было две причины. Первая – якобы, в знак благодарности – за то, что китайцы помогли отстроить это здание аэровокзала. Вторая (пожалуй, главная): в паспорт каждого прибывшего китайца вкладывается валютная купюра. Так что коррупция (или мелкая взятка чиновнику) начинается уже здесь, на въезде во Вьетнам. К счастью, россиян это пока что не коснулось… А из-за значительного увеличения будочек паспортного контроля, пропуск прибывших сюда туристов стал весьма интенсивным, без скученных длинных очередей.

Ещё в России, в канун вылета во Вьетнам, в средствах массовой информации стали муссироваться слухи об эпидемии нового вируса гриппа (или пневмонии) – короновируса, эпицентром которого является Китай. Это несколько напрягало и тревожило даже наших бесшабашных туристов, уже привыкших ко всякого рода страшилкам. Здесь же и впрямь, служащие аэропорта, в том числе и паспортного контроля, в большинстве своём были облачены в марлевые маски. То же самое касалось и прилетевших сюда китайцев.

Довольно быстро и без проволочек получили мы свой багаж и прошли досмотр. Встречающие нас служащие туроператора «Анекс тур» быстренько расфасовали по комфортабельным автобусам. Наш оказался под номером 83 – с весьма даже грамотным гидом. «Зовите меня просто – Пак» - представился нам молодой, лет тридцати, мужчина в операторской униформе, восточной внешности, но с хорошим русским языком. Поначалу мне показалось, что это – вьетнамец, и когда я поинтересовался у него, откуда он так прилично знает русский язык, последовал ответ, что, дескать, хорошо учился в школе. «А где? Здесь, или в России?» - последовал ещё один уточняющий вопрос. – «В Киргизии…». Ага, стало быть, и после распада СССР наши бывшие соотечественники всё же не

брезгуют изучением русского языка. Похоже, Пак был метисом, с явными доминантами внешности корейца. У себя, в Киргизии, он окончил университет со специализацией туристического менеджера, и уже лет десять работает за границей с русскоговорящими туристами: в Турции, Таиланде, Вьетнаме.

Трансфер

Загрузив полностью автобус подходящими с нашего авиарейса туристами (человек 35), ровно в 7 часов утра мы выехали от аэропорта Камрани в южном направлении, противоположном от уже знакомого нам Нячанга.

Вьетнамец-водитель автобуса с логотипом фирмы «ANEX tour» дело своё знал. Трасса была ровной, правосторонней, с разделительной полосой. На улице уже вовсю хозяйничал день, залитый южным солнечным светом, сменившим на тёмном небе старый лежачий месяц.

Поначалу мы ехали южной окраиной Камрани, в глаза бросались новостройки вперемешку с жилыми домами своеобразной вьетнамской архитектуры. Двадцать, тридцать минут езды, а казалось, что едешь по сплошному одному населённому пункту. По обеим сторонам дороги, практически без пустырных интервалов, стояли дома. И лишь по их скученности и наличию возле них приусадебных участков можно было догадаться: проезжаем городом или какой деревней. Хочу ещё раз обратить внимание читателей на то, что архитектура домов Вьетнама (а сравнить мне уже есть что с чем) весьма своеобразная. Все строения отличаются своей узостью (3-6 метров) относительно дороги (улицы), но непременной вытянутостью вглубь (до 20 и более метров). Мало того, дома эти, что в городе, что в деревне, отличаются ещё и своей оригинальной архитектурой. Как правило, они двух-четырёхэтажные, но непременно с какими-нибудь колоннами в пилястрах, башенками, верандами, мансардами, лоджиями, балкончиками, лепниной, окнами,

оригинальными крышами. Нередко можно встретить дома, у которых на открытой площадке-лоджии последнего этажа находится статуя Богоматери. А то - и сидящего в позе «лотос» Будды. Иногда фигура Будды воплощается в его женской форме – богини милосердия Лин(ь) Анг (Linh Ung) – в китайской версии - богини Гуаньинь. Встречаются и некие подобия часовенки с католическим крестом на самом верху.

И ещё. Особенностью архитектуры этого региона Вьетнама (а мне довелось проехать порядка 500 километров его южной части, от Нячанга и до Сайгона) является смешанность стилей – с учётом национальных и религиозных принадлежностей владельцев домов. Такие дома являются, как правило, частной собственностью, где первый этаж и прилегающий к нему участок, если это сельская местность, заняты под малый семейный бизнес, который не облагается налогом. Таким образом, в населённых пунктах вперемешку стоят дома-параллелепипеды «вьетнамского» стиля, космополитические европейские строения, средневековой готики - с узкими высокими башенками, а то и вовсе – в классическом китайском стиле: с загнутыми кверху краями-стоками плоских крыш фанз, непременно позолоченными и увитыми узорчатой лепниной, вплоть до золотистых драконов.

То же самое касается и ещё одной повсеместной особенности Вьетнама: наличия культово-религиозных построек. Как и дома, религиозные храмы и соборы здесь перемешаны. Поскольку во Вьетнаме отсутствует единая доминантная религия (как, допустим, в Индии, Китае или Таиланде), то и места отправления религиозно-культовых обрядов здесь весьма разнообразны. При этом, на протяжении почти всего пути нам ни разу не попались буддистские храмы-монастыри, наподобие храмов Лонг Шон, Чук Лам или Чуа Лин(ь) Анг (какие встречались в

Нячанге и Далате). Зато несколько раз на возвышении красовались культовые, из красного кирпича, башни чамов (тямов), наподобие Чамских башен По Нагар (в Нячанге), построенные здесь ещё тысячу лет назад, во времена владения королевства Каутхара. Здесь можно встретить храмы самых различных проявлений и ветвей буддизма, но, как ни странно, с преимуществом китайского направления. В целом же, в общей массе культовых строений здесь преобладают католические соборы и кирхи, привнесённые во Вьетнам французскими колонизаторами ещё с начала 19 века.

Так что ничего удивительно в таком разнообразии стилей культовых строений и нет, поскольку в современном Вьетнаме (помимо прочих) проживает около 60 национальностей только одних потомков Белого Дракона и Феи, и насчитывается порядка 150 религиозных исповеданий, включая язычество, сектантство, иудаизм, христианство всех проявлений, а также самые многочисленные формы и ветви буддизма. И всё же, практически все народности истинных племён вьетов считают своими родителями Белого Дракона и Фею. Эти-то легендарно-мифические существа и являются непременными для поклонения всех вьетнамцев…

По мере продвижения к месту нашего конечного пункта, пока ещё загадочным Фантхиету и Муйне, всё чаще стали попадаться окружающие каменисто-безлесые горы. А вожделенного моря всё ещё никак не было видно. При этом, камни были такой огромной и причудливой формы, что ехавшие туристы (кто не дремал) невольно задерживали на них свои восхищённые взоры. И находили в них нечто похожее на зверей, птиц, фантастических драконов, причудливые замки. Дорога, как обычно прямая и с большими (до десятка километров) перегонами, шла понизу, в своеобразных каньонах. Кстати, автострада здесь платная. И водитель несколько раз останавливался перед

пропускными пунктами со шлагбаумами, не выходя из кабины, оплачивая наличными по 75 тысяч донгов (эта цифра высвечивалась на табло).

По обочинам дороги встречались широколиственные деревья; изнурённые, будто опалённые зноем, хвойные кипарисники и араукарии; высокоствольные пальмы, блазнящие видом крупных плодов зелёных кокосов; разнообразные кустарники, среди которых особо выделялись разноцветно-рясные бугенвиллеи.

Временами наш путь пролегал мимо «городов мёртвых» - вьетнамских кладбищ – с разноцветными могильными памятниками, от простеньких могильных плит до вычурных сооружений.

Но что поражало более всего, до какого-то возмущения и негодования, так это повсеместная замусоренность. Замусоренность строительными отходами, бытовым мусором, банками, бутылками, полиэтиленом, гниющими остатками овощей и фруктов… Замечу попутно. Мой брат Володя, бывший инженер-строитель, побывавший здесь двумя неделями ранее нас, в телефонном разговоре возмущался: «Видели бы вы, какими помойками мы проезжали…» Пожалуй, иного, более точного слова, чем «помойка», и придумать нельзя…

Временами встречались пасущиеся стада (уж чем они там питались на выгоревшей земле?) горбатых тёмно-коричневых коров, табунки лошадей, большие отары белорунных овец. Травяная растительность здесь была хилой, блекло-иссушенной, обезвоженной…

Зато радовали глаз квадраты тёмно-зелёных орошаемых полей, засеянных и засаженных рисом, среди которых хлопьями снега копошились цапли. Иногда попадались дома, с приусадебными огороженными водоёмами, в которых кишели тысячи домашних уток и гусей. А то и кур, преимущественно пёстрых.

Всё чаще стали попадаться плантации густого двухметрового сочно-жирного сахарного тростника. Его перемежали посадки деревьев манго, молоденьких пальм.

А ещё – квадраты с ровными рядами густых тёмно-зелёных кустов, в метр высотой, с подведёнными к каждому кусту электрическим освещением и индивидуально-орошаемыми шлангами. Иногда среди ветвей можно было разглядеть розовеющие плоды, размером с очень крупное яблоко. Как пояснил гид Пак, это – плантации **питахайи** (помимо этого у него есть названия «питайя», «сердца Дракона», «драгонфрут») – растения и плода так почитаемого среди самих вьетнамцев. Кстати, питахайя - разновидность кактуса, ветви которого напоминают жирно-колючие и широкие сочные листья алоэ. Сами плоды питахайи помимо красно-розового цвета могут иметь ещё и желтовато-зелёную окраску. А мякоть под несъедобной кожурой бывает пастообразной – белого или тёмно-малинового цвета с множеством мелких, с маковые, семян. Плоды питахайи считаются очень полезными для здоровья.

Этому растению-плоду соответствует своя легенда. Якобы, во времена Драконов, люди воевали с ними. Драконы выплёвывали из своей пасти огонь, который и напоминают по своей форме и виду языки пламени (как застывшие формы) - плоды питахи. А ещё, чтобы быть храбрее и сильнее особо почиталось у тех людей поедание сердца убитого дракона. И вот, когда был убит последний Дракон, воины извлекли его сердце и решили закопать в землю. И уже из этого сердца выросли своеобразные кактусы с плодами в виде сердца Дракона.

Кана (Ca Na)

На пути следования повстречался город Фанранг (Тхапчам) – центр провинции Нинь Тхуан (следующей за Кхань Хоа, столицей которой является Нячанг). И уже вскоре с левой стороны (востока) вдали стало

поблёскивать в лучах солнца море. А справа от трассы – высились причудливые горы, сплошь в огромных безлесых валунах. Через полчаса езды от Фанранга наш автобус сделал остановку. Это – примерно половина пути от Камрани до Муйне. Место это называется **Кана.** Его история уходит во времена королевства чампов. Как сказал гид, неподалёку отсюда ещё сохранились деревушки чамов и даже чамские башни. А ещё во время войны с американцами на горе был обустроен американский ДОТ, сохранившийся и поныне, как местная примечательность.

Здесь небольшая площадка для останавливающихся автобусов с туристами. И – кафе-ресторан, с просторными залами, вплотную приближающимися к самому морю. Из залов ресторана через свободный проход, - переходный мостик с перилами и беседками, мостящимися на валунах, - можно выйти к морю, волны которого плещутся о ступеньки сходней и валуны. Широкая бухта Винь Хи отливает изумрудными водами, её края, обнимающе, уходят далеко на юго-восток и юго-запад. Лёгкий свежий ветерок гонит с моря накатные волны. Между валунами на неширокой прибрежной полосе накатные волны постоянно лижут белый песок.

Вдали виднеется холмистый остров Хон Лао, который знаменит, по словам гида, своим гротом Тач. А ещё, почти на горизонте, словно на рейде, застыли громадины, с полдюжины, грузовых судов.

Мы спускаемся почти к самому морю, делая свои первые снимки на его фоне и прибрежных валунов.

А напротив, через дорогу-трассу, проходящую у самого подножия, высятся голокаменные горы, с валунами причудливой формы. И где-то на высоте, примерно, метрах в двухстах от подножия, примостились на площадочках два красивых строения, к которым ведут карабкающиеся ступеньки узеньких лестниц-тропок. Эти

хрупкие очаги живого мира на фоне величия природы смотрятся поистине умилительно.

Чем ещё примечательно местечко Кана, так это десятикилометровым чистейшим пляжем Нинь Чу - с неофициальным названием «Спящая красавица», находящимся на побережье бухты Винь Хи. Говорят, что это прозвище пляж получил из-за пока ещё не очень активного его освоения всепроникающими туристами. Кстати, в местечке Кана имеется и парочка отелей, с названиями «Ка На» и «Хай Шон», где могут поселиться заезжие туристы.

Полчаса на передышку - с лёгким перекусом от оставшихся авиа-завтраков (в ресторане и его буфете пока не можем ничего прикупить, так как ещё не поменяли свои доллары на донги); с любованием морскими и горными пейзажами и первыми фотоснимками…

Ветряки и песчаные дюны

И вот мы катим дальше, уже по провинции Бинь Тхуан, к которой относится и сам город Фантхиет (столица провинции) и его пригородный, пока ещё загадочный Муйне. Наша трасса вновь убежала от моря. По обеим сторонам её высятся горы, а на многочисленных невысоких плато вразброс колоссами вырастают ветряки. Именно колоссами! Даже на фоне гор они смотрятся, как некие рукотворные монстры. Белоснежные их столбы-опоры, не менее тридцати метров высотой, у основания диаметром метра в три. Три лопасти, метров в десять каждая, меланхолически вращаются вокруг своей оси. Подвластны они лишь одному ветру, который каждодневно усиливается во второй половине дня. И таких ветряков – несчитанное количество. Они вырабатывают электроэнергию, и каждый из них подсоединён к одной общей электросети провинции. Ветряки карабкаются даже и на горы, по которым стоят ещё одни великаны, творения рук человеческих – гигантские опоры ЛЭП с провисшими

проводами. И остаётся только диву предаваться: как, каким образом там их удалось установить?!

А вот – и ещё одно техническое диво: гигантские (опять употреблю это слово) сооружения электростанции! Целый комплекс со всеми сопутствующими строениями. Площадь этого монстра могла бы приютить не одну деревушку со всеми её приусадебными постройками и полями. Опять-таки, со слов гида, эта электростанция питается исключительно газом. И невольно возникает вопрос: это сколько же миллиардов кубов газа она пожирает? А ещё: откуда берут газ для её утробы?

Случайно в Интернете я выудил, что в районе Каны должны построить (не без помощи россиян) и скоро запустить атомную электростанцию.

Чем дальше мы удалялись от нашего пункта передышки – Каны, тем чище становилось по обочинам трассы и вокруг строений, тянущихся вдоль неё.

И ещё – нечто новенькое. Всё чаще стали попадаться участки земли с разноцветными песками: то совершенно белоснежными, то бежево-жёлтыми, то красно-коричневыми. И чем дальше, тем чаще и крупнее становились песчаные безлесые плешины. Вот уже и скальные горы переросли в сплошные *песчаные дюны*. Да какие! Тут мне почему-то вспомнились пески из нашего замечательного фильма «Белое солнце пустыни», с закопанным по горло Саидом и красноармейцем Суховым… Поражало ещё и то, что разноцветные барханы и дюны, не перемешиваясь, соседствовали совершенно рядом, буквально в десятке метров друг от руга, будто кто-то узаконил их суверенные территории и, как на миражной радуге, раскрасил их цветами…

Муйне (MUI NE)

Начну с того, что меня всегда интересовало и интересует этимология слова – его происхождение и семантика. На месте современного местечка Муйне не в

таком далёком прошлом находились поселения королевства чамов (тямов), о чём свидетельствуют сохранившиеся и поныне, невдалеке, чамские башни, носящие название Тап Пошану, сооружённые в начале второго тысячелетия в честь индийского бога Шивы.

Как мне объяснили русскоговорящие гиды, Муйне переводится, как **Мыс Не**. Ну, мыс-то – понятно, а вот что такое «Не» - я так и не выяснил.

Если посмотреть по карте, и впрямь явно выделяется мыс, омываемый с двух сторон водами бухт Южно-Китайского (Восточного или Вьетнамского) моря. Ещё одну трактовку этого слова и местечка Вьетнама провинции Бинь Тхуан дал мне гид Валерий, с которым мы ездили на экскурсию в Сайгон, - **Ветер с моря.** Это название мне показалось наиболее романтическим, и именно его я решил вынести даже в заглавие этой книжки.

Итак, Муйне – место нашего нынешнего курортно-туристического отдыха во Вьетнаме. Официально – это один из 16 кварталов ближайшего города Фантхьет (Фантхиет), находящийся в его северо-восточной части.

На самом мысу расположена рыбацкая деревушка со знаменитым ныне рынком морепродуктов. И уже от неё и до самого города тянется на протяжении более десятка километров **курортная зона Муйне**, представляющая собой преимущественно одну улицу-трассу, с расположенными по обеим сторонам отелями, сопутствующими им торговыми точками и кафе-ресторанами. При этом, больщая часть отелей располагается на стороне трассы, примыкающей непосредственно к морю. Подковообразное морское пляжное побережье между мысом и городом делится условно на три части – восточная (Хам Тьен), центральная (Бай Ранг) и западная (Пу Хай). И чем ближе к западу (городу), тем чище эти пляжи (и дороже отели).

Как курортная зона, Муйне стала осваиваться с конца 90-х годов. Её очень полюбили русские туристы и туристы стран бывшего СССР. А к настоящему времени сюда стали ездить очень многие китайцы и даже туристы европейских стран. Дело в том, что в отдых в Муйне обходится и впрямь не очень дорого, при неплохом качестве сервиса. Ещё один повод: здесь, практически ежедневно, часов с одиннадцати утра и до самой темноты дует усиливающийся с моря ветер и поднимаются волны – то, что привлекает сюда увеличивающуюся армию покататься на досках под парусом (виндсерфинг) и с парашютом (кайтсерфинг). Помимо прочего, из Муйне можно относительно недорого съездить на экскурсии по южному Вьетанму – в замечательный город Далат, курортный Нячанг, мегаполис Сайгон (Хошимин) и другие места.

К сожалению, особых достопримечательностей в самом Муйне и ближайших окрестностях не так уж и много. И тем, не менее, к ним можно отнести: чамские башни Топ Пошану, гору Таку с гигантской (49 метров) статуей лежащего Будды, Белые и Красные дюны, маяк Ке Га, Ручей фей… Ну, и сам город Фантхьет (Фантхиет), на въезде в который протекает река Са Ту.

23 января 2020 г. 12 час. дня – вечер. Отель. Море. Окрестности. «У Вани». Ужин в номере отеля.

Отель «SUN & SANDS BEACH HOTEL»

Мы с женой и ещё парочка туристок кемеровского рейса оказались первыми из партии нашего автобуса, которых высадили возле отеля с указанным названием в туристических путёвках. А переводится название нашего трёхзвёздочного отеля, как пляжный отель «Солнце и песок». Кстати, это название на английском языке красуется как на самом здании, на его входе, на ресепшен, так и является своеобразным логотипом («Sun & Sands») на всех полотенцах, пластиковых бутылочках с питьевой

водой, туалетных принадлежностях-упаковках (мыло, шампуни, гели, зубные щётки, расчёски) и т.п. Расположен он ближе всех к рыбацкой деревне Муйне и с самой восточной части пляжа Хам Тьен.

Основное здание отеля представляет собой четырёхэтажную коробку (6 метров ширина и метров 50 длина). От соседнего (с западной стороны) отеля «CANARY» его отделяет глухая бетонная стена-забор, метров четырёх высотой, образуя небольшой внутренний двор с прямоугольным бассейном. Помимо этого, у отеля имеется территория внешнего двора, примыкающего непосредственно к морю. Внутри этого двора находится ресторан и ещё один фигурный красивый бассейн с лежаками для загара и отдыха. По периметру двора, вокруг бассейна, располагаются одноэтажные номера-бунгало (по десятку на каждую сторону). Внешний двор отеля очень уютен, со множеством разных цветущих кустарников, пальм и прочей растительности. Здесь даже растут несколько плодоносящих деревьев с грушевидными малиновыми плодами (розовое яблоко). А ещё – два дерева-гибискуса, со множеством крупных пурпурных цветов, ежедневно, отцветши, падающих к подножию и устилающих зелёные газоны и пешеходные дорожки.

Общее количество номеров (вместе с бунгало) – порядка восьмидесяти. Подав дежурному администратору наши ваучеры (после бандитской чубайсовской «ваучеризации» у нас, россиян, это слово вызывает негативные ассоциации) – квиточки на вселение и проживание - нам выдали талоны на питание и ключ от номера. Дежурная проводила до номера, оказавшегося на первом этаже основного здания, как раз напротив бассейна внутреннего двора. Попав в номер, нам в нём крайне не понравилось: всего одна расхристанная дверь-окно, занавешанная портьерой, и с заклинивающим ключом в замке. Интерьер, окрашенный в совершенно чёрный цвет,

придавал номеру вид карцера-каземата или, хуже того – могильного склепа. Я тут же выразил своё недовольство номером.

Мы подались вновь на ресепшен, и я знаками показал, что хотели бы поменять номер на более высокий этаж (как нам обещали ещё в турагентстве в Кемерове). Нас поняли и предложили другой номер, уже на втором этаже. И он произвёл совсем иное впечатление. Прежде всего, он был светлым, и от этого казался более просторным. Хотя и тут вся мебель (шкаф для одежды, стол, стулья, тумбочка и даже деревянный ящик холодильника) были окрашены в совершенно чёрный цвет (похоже, «кузбасслаком»). Зато из номера окно-дверь выходило на лоджию, с видом во внутренний двор. А вдоль всего второго этажа с другой стороны – находилась ещё одна сквозная лоджия-галерея, через которую попадали в свои номера туристы этажа. Был и лифт. В номере, внутри просторного платяного шкафа стоял небольшой сейф, которым мы, разобрав свои вещи, воспользовались для хранения денег, фотоаппарата и прочих дорогих вещей. Помимо основной комнаты с широкой просторной двуспальной кроватью, в номере была небольшая прихожая и весьма неплохая ванная комната – с ванной, душем, туалетным столиком с раковиной, ну, и унитазом. Интерьер номера дополняли цветной телевизор и кондиционер.

Около часа дня - так что у нас впереди ещё почти целый день пляжно-туристического отдыха. Приняв душ с дороги и облачившись в майки с шортами, мы решили податься к морю и немного ознакомиться с окрестностями отеля. Попавшиеся нам навстречу туристы, были в одних купальных костюмах. Тут в порядке вещей выходить из номера к морю и бассейнам в таком виде, который иногда дополняют пляжные полотенца в руках отдыхающих и шлёпанцы – на ногах; у некоторых – ещё и лёгкие головные уборы, от палящего солнца. На небе практически

безоблачно. Миновав двор, мы тут же оказались у самого моря. Внешний двор отеля от моря отделяли пара рядов пальм с висящими на них кокосами да пляжные лежаки, на которых вальяжно нежились туристы – иные уже шоколадного цвета; некоторые, недавно прибывшие, от передозы солнца, выглядели американскими краснокожими индейцами. Встречались и «бледнолицые», заселившиеся в отель, как и мы, сегодня-вчера. Свободных лежаков не оказалось, да мы особо и не расстраивались, намереваясь побыть здесь всего часа полтора-два.

И вот, сняв с себя майки с шортами и шлёпанцы, мы устремляемся к морю. **Море!** Такое всегда желанное и вожделенное! **Южно-Китайское**. Или, как его тут ещё любят называть – **Восточное или Вьетнамское**. Признаться, во многом уже известное нам – как-никак, а мы только во Вьетнаме уже в третий раз. Купались в этом море и на пляжах Нячанга, Зоклет;а, островах Хон Там, Хон Че, Хон Мун, Хон Миеу… И всё же, в каждом месте море имеет свою изюминку. Вот и тут.

Подковообразная просторная бухта обрамлялась побережьем: с восточной стороны виднелся мыс и строения, как выяснилось позднее, той самой рыбацкой деревушки Муйне, давшей название и всему курортно-туристическому месту. С запада – словно гигантская рука, обнимающая море, скучила сотни строений отелей, переходящих в сливающейся дали уже в дома города Фантхиет.

Всё побережье, насколько охватывал и различал взгляд, было совершенно песчаным, с накатывающимися с моря волнами, перемешивающимися в накате с мутными частицами песка, ракушек и раковин, выполосканных остатков полиэтилена, водорослей и прочего мусора. И ещё (такого не было в Нячанге и на пляжах островов) – накатные волны постоянно переворачивали и перемещали с места на место множество разноцветных раковинок-

створок морских гребешков, размером от советского рубля и до кофейной чашечки. Эти тарелочки-гребешки устилали всё накатное побережье, как цементом, заиливаясь песком. Тут же было неисчислимое количество выброшенных всё теми же волнами, колотых остатков спиралезакрученных тонкостенных пёстро-коричневых раковин рапанов. И чтобы попасть в море, сначала надо было миновать полосу, метров пяти, из этих ракушек и раковин. Но что поразительно: казалось бы, острые края раковин-гребешков и осколки рапанов, ничуть не кололи, тем более, не ранили голые ступни ног. Зато раскалившийся песок, высохший после отлива, изрядно припекал подошвы.

И еще некоторые особенности «нашего» пляжа: справа и слева от нас, в каких-то пятидесяти-ста метрах покоились на берегу и колыхались на волнах десятки, если не сотни рыбацких круглых лодок – тхунгчай. **Тхунгчай (**тхунчай**)** – в переводе - «смоляная плетёная корзина» появились у местных рыбаков во времена французской колонизации. Именно эти плавсредства, в отличие от классических лодок, не облагались тогда налогом. Вот и стали рыбаки плести из прутьев бамбука, пальмовых веток и иных материалов большие корзины, диаметром метра в полтора. Эти плетения обмазывались специальной смолой, не пропускавшей воду, красились поверху. Управляя такой лодкой всего одним веслом, можно было выходить в море, не очень далеко от берега, чтобы поставить и проверить рыбацкие снасти и ловушки. Лодки эти так прижились среди рыбаков, что являются едва ли не основными «каботажными» и в наше время. При этом, размеры их уже в некоторых случаях доходят и до трёх метрах в диаметре. Мало того, для передвижения на них начали устанавливать и стационарные маломощные моторы с гребными винтами. И ещё, окрашиваются такие лодки непременно либо в голубой, либо в светло-зелёный цвет. А у некоторых,

помимо весла, полужёстко соединённого с уключиной, имеется ещё и сиденье-банка. Весло служит одновременно и для движения вперёд, и в качестве руля.

И ещё одна особенность моря. Начиная часов с 11 утра и до самых сумерек, оно испещрено множеством парящих под парусом и парашютом виндсерфингистов и кайтсерфингистов. Практически от берега – и до горизонта! Дно здесь твёрдо-песчаное, вода весьма солёная, держащая на своей поверхности тело человека. Её температура примерно одинаковая в любое время суток, порядка +23-25 градусов. В обозримом пространстве моря не видно ни одного острова, впрочем, как и проходящих мимо морских грузовых судов и пассажирских лайнеров.

Оставив после купания Людмилу загорать на горячем песке с постеленным на него пляжным полотенцем, я подался вдоль побережья, в сторону рыбацкой деревни Муйне. Уже метров через сто мне стали попадаться вытащенные на берег круглые рыбацкие лодки, в некоторых из них лежали в грудах сети и ловушки с различной ячеёй – от десяти миллиметров и до пятидесяти – явно китайского производства, какие у нас называют «путанками». На берегу валялись ловушки, напоминающие наши корчажки, или мордушки, но не плетёные из прутьев, а обтянутые сетками прямоугольные бамбуковые каркасы, размером метров до полутора по высоте и в полметра шириной. Скорее всего, такие ловушки предназначались для ловли крабов и прочих ракообразных.

Немало лодок-тхунгчай покачивалось невдалеке от берега, поставленных на якорь. А помористее – виднелись поплавки-буи ставных рыбацких сетей и ловушек.

Разноцветные створки раковинок-гребешков так и блазнили пособирать их, и не одного меня. Метрах в ста от берега моря, вдоль подножия сопок шла автострада, а сразу за ней высились песчаные холмы, метров до двухсот высотой, покрытые редкими лиственными деревьями и

кустарником. Местами эти сопки полностью обнажались, красуясь своими белыми, бежевыми и красными песчаными дюнами. Кое-где виднелись тропки для подъёма вверх, но ни одного человека почему-то на них видно не было. У меня почти сразу же возникло желание – подняться наверх и оттуда полюбоваться окрестными видами, включая и море. Но не сегодня, а в перспективе.

Отойдя от пляжа своего отеля метров на триста-четыреста, обнаружил секцию (или станцию) виндсерфинга, со множеством килевых пластмассовых досок и разноцветных армированных полиэтиленовых косых парусов, шарнирно крепящихся к этим доскам. Здесь не только выдают на прокат эти средства спортивного передвижения по морю, но и обучают технике владения ими. Мне повстречалось с пяток новичков, барахтающихся в воде у берега и пытающихся вскарабкаться на доску, а, «оседлав», мчаться по волнам. Опытные серфингисты уже смело вспенивали воду, устремляясь далеко в море, ловко маневрируя на волнах и ветре. Иногда взрыкивали моторы гидроциклов, молнией, на крутых виражах, как на скакунах, унося вдаль своих ездоков - поклонников выброса адреналина.

Моё внимание привлёк рыбак-вьетнамец, лет сорока, стоящий в воде по пояс с бамбуковым удилищем, метров четырёх, в руках. Через шею у него свисала пластиковая пятилитровая бутылка, в которую он время от времени опускал пойманную рыбёшку. Ну, не могла моя рыбацкая душа не понаблюдать за этой рыбалкой. Я, не спеша, вошёл в воду, и едва ли не вплотную приблизился к рыболову. Снасть его была бесхитростной: обычная леска, диаметром примерно 0,2 мм, длиной с удилище. На конце лески крепилось грузило, в виде небольшой оливки. А от основной лески, повыше грузила – два поводка с мелкими крючками. На эти крючки рыболов насаживал кусочки мякоти гребешков и делал забросы. Мне было видно, как

через некоторое время леска на кончике удилища начинала подрагивать – явная поклёвка. Рыбак делал подсечку и, примерно через раз, на вынутой леске трепетала рыбёшка, размером со среднего речного пескаря, но очень похожая своей формой на судачка, только без поперечных полосок. Уж что собирался делать с такой рыбой рыбак – осталось для меня загадкой. Может быть, её он варил или жарил, а, скорее всего, отправлял в специальный бак – для кустарного изготовления знаменитого вьетнамского квашеного рыбного соуса.

«У Вани»

Искупавшись раза по три в море и даже в бассейне, мы вернулись в номер. Переодевшись, решили выйти на улицу, осмотреться, поменять доллары на донги и что-нибудь прикупить на ужин. Сразу же за ресепшен отеля, прямо с торца, примыкал магазин (маркет) с названием на русском языке «У Вани». Напротив, через дорогу, было ещё подряд несколько торговых точек и кафешек, и тоже с вывесками-рекламами на русском языке, типа «У Тани», «Магазин по оптовым ценам», «Аптека», Турагентство «У Димы». Но всё же больше было рекламы и названий либо на английском, либо на китайском языках. Ну, и на вьетнамском (французском), разумеется.

«У Вани», владельцем которого оказался улыбчивый и общительный вьетнамец лет тридцати пяти, хорошо говоривший по-русски, мы поменяли первую сотенную купюру долларов на донги по курсу 2 миллиона 310 тысяч донгов. По сравнению с предыдущей нашей поездкой во Вьетнам два года назад, донг немного «просел» по отношению к доллару. Тогда за сотню баксов обменники предлагали по 2 миллиона 230 тысяч донгов. Официальный нынешний обменный курс – 23500 донгов за доллар. Так что Ваня имел при обмене навар в 40 тысяч донгов с сотни долларов (всего порядка 120 рублей).

Магазин «У Вани», как и большинство здесь подобных, - смешанного (универсального) назначения. В нём можно купить всё необходимое - от продуктов питания, кондитерских товаров, соков, фруктов, овощей, кофе и чая всевозможных сортов и упаковок; аптечных препаратов и лекарств, вино-водочных и табачных изделий, различных сувениров и до туристического снаряжения: обувка, головные уборы, пляжные костюмы, рубашки, кепки, парео и проч… И, надо признаться, по весьма приемлемым ценам. Тут же можно было приобрести и экскурсионные туристические путёвки.

Улыбчивый и разговорчивый хозяин этого заведения, которого все туристы запанибрата назвали Ваней и обращались к нему на «ты», на мой вопрос о знании русского языка охотно ответил, что окончил университет в Ханое, филологический факультет, с факультативом по русскому языку и литературе, с правом преподавания в школе этих предметов. После окончания университета он даже побывал в Москве, надеясь найти работу, но что-то там у него не срослось, и он вернулся во Вьетнам. Судьба забросила его в курортный Муйне, и здесь, обзаведясь семьёй, он занялся не совсем обычным для него делом – торговлей. По тому потоку русских, в основном, туристов, который двигался между рядами с товаром и находился в магазине, толпясь у кассы, коммерция Вани была весьма успешной и прибыльной. Замечу, забегая вперёд, что привлекал он к этому своему бизнесу и своих родственников: жену с малолетней симпатичной девчушкой и – то ли младшего брата, то ли родственника жены. Они помогали ему с отпуском товаров, особенно фруктов и овощей, находящихся на уличных прилавках; занимались взвешиванием и упаковкой в плетёные пластмассовые корзинки фруктов, которые туристы увозили домой; очищали по просьбе покупателей плоды ананасов, кокосов, готовили фруктовые коктейли…

Тут же постоянно крутился и добровольный (?) консультант Борис, мужчина лет под шестьдесят, представлявшийся всем любопытным туристам отставным полковником российской армии. Словоохотливый, он запросто делился своими познаниями в области истории и обычаев вьетнамцев, консультировал на предмет медицинских препаратов и уверял покупателей, что все товары в этом магазине – настоящие, а не контрафактно-палёные, на чём непременно настаивали гиды, проводившие экскурсии, особенно шопинговые. И находился этот Борис во вьетнамском Муйне уже, якобы, полгода, снимая здесь неподалёку угол… Так ли это на самом деле – пусть останется на совести Бориса и его доверчивых визави.

«У Вани» же мы и сделали свои первые покупки: упаковочку молотого кофе «арабика», пару стограммовых пачек чая - «молочный» и «жасминовый» (по 15-20 тысяч), соевый соус, игральные атласные карты, несколько баночек вьетнамских бальзамов, мазь от комаров, ароматические свечи с запахом лаванды, бритвенный станок, что-то ещё. На столиках-витринах, вынесенных прямо на улицу, выбрали свежайшие сочные жёлтые плоды манго, связочки шариков-лонганов и бордовых ёжиков-рамбутанов, небольшой овальный арбуз (килограмма на 2,5) и полкило красных помидор. Все виды овощей и фруктов здесь стоили примерно одинаково – по 20-25 тысяч донгов за килограмм. Ну, а как было не соблазниться бутылочкой рома со вкусом какао-шоколада, стоившей всего 30 тыс. донгов (ёмкостью 0,375) и парочкой стеклянных пол-литровых бутылок холодного пива «Сайгон» (по 10 тысяч донгов). Тем, кто не ведает, а иным читателям напомню, что для перевода на наши деньги, количество тысяч вьетнамских донгов нужно умножить на 3. Так, ром стоит в переводе на наши деньги 90 рублей, а пиво – 30. И ещё. Поскольку русские туристы

непременно покупают для вывоза домой разрешимое количество спиртного (обычно рома), специально для таких случаев ром разливают и упаковывают с акцизной маркой в *литровые полиэтиленовые* бутылки, с розничной стоимостью всего в 50-55 тысяч донгов (150-165 рублей). И. опять-таки, забегая немного вперёд, отмечу, что на вкус этот ром и впрямь весьма недурён, а об отравившихся им соплеменников нам слышать не доводилось.

Отужинали мы в своём номере, когда вовсю сгустились ранние сумерки. В семь часов вечера здесь уже настоящая южная ночь. Улицы и все дома расцвечиваются огнями и рекламами, к тому же ещё и приукрашенными по случаю Нового года Тэт, который официально наступит послезавтра, 25 января. А на чёрном звёздном небе с западной стороны старый тонюсенький месяц полностью улёгся навзничь.

Под пивко с ромом очень как кстати пришлись нарезка помидоров под майонезом и соевым соусом, купленные фрукты и рачительно прихваченные из дома сырокопчёная колбаса, солёное сало, плетёночка сыра и вяленые окуни, собственного улова и приготовления. Ай, хорошо сидим… Ай, благодать-то какая… Ну, и как к этому блаженству не присовокупить ещё и купание в вечернем бассейне?!

24 января 2020 г. Утренний выход к морю. Завтрак. Встреча с гидом-куратором. Пляжная нега. Новый год Тэт – по восточному календарю.

С устатку и после ужина с купанием в бассейне, спать улеглись рано, часов в восемь вечера. И заснули едва ли не мгновенно. А через пару часов переполошил и поднял нас телефонный звонок. Звонил из Кемерова внук Николка, он вывел на улицу на прогулку нашу собачку Сьюзи и решил поинтересоваться, как мы здесь отдыхаем. И мы с

Людмилой уже в который раз посетовали на то, что и на этот раз его нет с нами, как планировали ещё с лета…

А часам к 4 ночи я уже окончательно проснулся и, заварив кофе, устроился, как обычно, в ванной комнате за свои дневниковые записи, дабы не мешать спящей жене.

Едва за окном забрезжил рассвет, **подался к морю**. На нём ещё местами мигали огоньки рыбацких лодок. И море было почти совершенно спокойно. Ни ветерка. И волны были какими-то совсем домашними, не сердитыми.

Мало того, море убежало от берега метров на тридцать, обнажив свою прибрежно-накатную плоть. Редкие туристы, опередившие меня со встречей рассвета, флегматично бродили по отливной полосе, обращая свои взоры куда-то в морскую даль. А кое-кто уже и находился в море, бредя в нём по колено там, где ещё вчера едва доставали дно ногами. Не удержался от искуса приять утреннюю морскую ванну и я. На свежем воздухе ещё не было вчерашнего дневного пекла, температура упала градуса на три, а вот вода оставалась всё такой же, и создавалась впечатление, что она стала ещё теплее. К тому же, море было намного чище, чем вчера, от взбудораживавших прибрежную полосу волн.

Как ни странно, но почему-то на берегу не было видно рыбаков, вернувшихся с ночного или ранне-утреннего лова. Причину я понял немого позднее: был самый канун Нового года Тэт, в который даже рыбаки и труженики полей стараются по мере возможности не заниматься своими каждодневными делами.

Завтрак

Завтрак в ресторане нашего отеля начинается с 7 часов утра. Вернувшись в номер, я застал жену, ещё нежащуюся в постели. Через полчаса, прихватив свои талончики на завтрак, мы, приодевшись, спустились в ресторан. Под него была приспособлена просторная и высокая пристройка, крытая плотными рядами пальмовых

веток. В четыре ряда здесь стояли столы, накрытые бежевыми скатертями, рассчитанные на четверых клиентов. Всего – не менее тридцати столов – очевидно, на максимальное число всех туристов отеля, посетивших ресторан одновременно. Но такое возможно лишь в случае каких-то массовых мероприятий. В обычные дни туристы отеля, из-за своей сибаритской неги и лености, появляются здесь в основной массе часов после восьми, а то и девяти утра. А некоторые подходят едва ли не к самому закрытию (10 часов). Так что толпы и очереди возле раздаточных столов обычно не бывает.

Как и в большинстве случаев, в ресторане этого отеля – «шведский стол», то есть, сам подходишь к раздаточным столам с выставленными на них блюдами меню и набираешь в индивидуальные тарелки (пиалы, чашки, стаканы) то, что тебе нравится и сколько сможет принять за один раз твой желудок. Правда, большинство блюд адаптированы под вкусы русских туристов, не очень острые.

А в меню ресторана: непременно какой-нибудь супчик (или, как у нас принято, – «первое») – молочный, с морепродуктами, тыквенный суп-пюре, и проч. Однако, знаменитого вьетнамского супа Фо за всё время пребывания здесь мы так и не отведали. На «вторые» блюда – поджаренная (тонкими пластинками) буженина или бекон, тушеное куриное мясо, тушеная в овощах и с подливом говядина или свинина, отварные сосиски, какие-нибудь рулетики-блинчики (рэт нам, гой кун) и что-то ещё; в качестве сопутствующих гарниров (нас, русских, наш общепит приучил есть второе непременно с гарниром) – обжаренный рис, лапша (вермишель), картофельное пюре или обжаренные куски картофеля, ломтики сладкого батата, отварная кукуруза, тушеное овощное рагу с соусом,... Из салатов – нечто подобное «оливье», нарезки из шинкованных овощей: помидор, огурцов, капусты

качанной и пекинской, тёртая морковь, репчатый лук, пророщенные злаки, листья салатов и какой-то иной зелени. Мясные нарезки из варёных колбас (пять-шесть видов). Рядами выстроились глубокие пиалы с разноцветными соусами – от острых до кисло-сладких, в числе коих и майонез. На каждом столе, ко всему – приборы с соевым и рыбным соусами, перечницы и солонки.

Фрукты обычно представлены нарезками из сочнейших арбузов, папайи, ананасов, мелких бананчиков, мандаринок, питахйи, маркуйи, розового яблока, карамболы, ломтиков лайма.

Из напитков: соки (четырёх видов), минералка, кофе, чай (с молоком по желанию), сахар, варенье-джемы, упаковочки сливочного масла. А к ним – ещё и десертная свежая выпечка – три-четыре вида. Да, забыл про хлеб: ломти белого и чёрного хлеба, продолговатый багет или маленькие булочки…

В общем, ешь – не хочу… Всё очень вкусно и сытно. С большим выбором. Ну, и наблюдения: наши русские туристы за завтраками поглощают немыслимое количество «халявной» пищи, особенно в первые дни, но ещё больше (и постоянно) – фруктовых нарезок, подходя за добавками по два, а то и три раза… А вот спиртного за завтраками ресторана не увидеть – не положено… А и то, как выразился один наш любимый киногерой: «С утра пьют только аристократы и дегенераты…»

И ещё. Похоже, собственной кухни в этом ресторане нет, то есть, первые и вторые блюда сюда привозят рано утром в специальных ёмкостях. А вот нарезки (забыл ещё отметить блюда из куриных и перепелиных яиц) из овощей, фруктов, колбасы, сыра, хлеба – делают уже здесь на месте. И последнее. Как ни странно, но ни разу не видел, чтобы этот ресторан принимал посетителей в дневное и вечернее время. Зато по соседству таких

заведений – на каждом шагу. И цены в них разные, но вполне приемлемые для нашего не очень богатого русско-туристского кошелька.

Встреча с гидом-куратором

Как было оговорено ещё вчера, традиционная встреча с гидом-куратором состоялась в 12 часов дня, но не в нашем, а соседнем отеле «Кенери», точнее в его ресторанном зале. Собрав человек пятнадцать из ближних отелей, куратор Максат, человек лет тридцати азиатской внешности, провёл информационный инструктаж. Как пояснил Максат («зовите меня Максим»), он являлся ещё и старшим куратором по Муйне от кампании «Анекс тур». Гид-куратор оказался весьма грамотным и общительным, работающим уже не первый год в туристическом бизнесе, только во Вьетнаме уже 6 лет. Своё дело он знал, особенно, когда дошло до раскрутки новичков на туристические экскурсии. Рассказал об особенностях страны и как себя вести во внештатных (упаси Боже) ситуациях. Возымели действия и его красочно-рекламные рассказы об экскурсиях в Далат и в Нячанг – за день до нашего вылета обратно. Ну, что касается нас, то мы успели уже побывать и там, и там.

Зато заказали у него (хотя можно было это сделать и в любом другом экскурсионном пункте - у того же Вани, или «У Димы») пару экскурсий: одну обзорную в Фантхьет и однодневную – в Сайгон. Обошлись обе экскурсии нам на двоих порядка 130 долларов.

Послеобеденная нега

После встречи с куратором, переждав самый солнцепёк в номере, с половины четвёртого и до половины шестого, когда раскалённое за день солнце уж практически совсем упало в море, предавались пляжной неге. От утреннего отлива не осталось и следа. Море почти совсем рядом плескалось у столиков «макашников», которые с самого утра, затарившись свежими морепродуктами,

предлагали их уже в готовом виде праздным туристам. При этом, с утра и примерно до полудня к ним подходили в основном за холодным пивом, находящимся в холодильных ящиках. На активность покупателей морской экзотики сказывался ещё и обильный завтрак. Зато ближе к обеду, и после него, торговля стала более интенсивной. Что предлагали пляжно-побережные «макашники»? Печеные на углях мангалов и жаровнен морепродукты: гребешки, устрицы, мидии, кальмары, рапаны (освобождённые от раковин), креветки, два-три вида рыбы; початки варёной крупной жёлтой кукурузы… При этом, порции у этих «макашников» были весьма умеренными, не то, что в ресторанах. Зато цены – явно рассчитанные на туристов, ещё не успевших потратиться. Так, порция гребешков (разложенных в один слой на десертной тарелке) стоила 100 тысяч (300 рублей). А там и еды-то – разве что побаловаться. Такие же, примерно, цены были и на другие продукты. Я поинтересовался креветками. В порцию отсчитали десяток, и тоже – сотня. По весу это было граммов сто пятьдесят. Брать отказался, поскольку уже на завтра, с утра пораньше, у меня был запланирован выход на рынок, одной из целей посещения которого и была покупка свежих креветок.

Правда, благодаря своему любопытству, познакомился с семейством русских из Тюмени – Сергеем с Натальей и их десятилетней дочерью. Рядом со мной прошёл мужчина, лет сорока пяти, неся от «макашни» на тарелке пахнущие жареные гребешки. Он остановился у лежаков, на которых располагались его жена и дочь. И те стали пробовать принесённое. Я, извинившись, деликатно поинтересовался: «Хоть съедобно это?» «А вы попробуйте»,- тут же предложил мне мужчина взять с их тарелки створку гребешка с мизерным кусочком «мяса» посредине. Взял, поблагодарив, попробовал. Съедобно, вполне. Но – и только. Это сколько же надо таких

деликатесов, чтобы насытиться? Это вам не мясистые креветки. Зато немного позднее разговорились с Сергеем, оказавшимся нефтяником-буровиком. И нашлись у нас с ним и его женой даже общие знакомые. Вот как! Поистине, мир тесен.

От «макашен» исходил и распространялся соблазнительный запах жареного и печёного, который временами перемешивался, увы, со зловонным – от сливного ручья, вытекавшего прямо в море, метрах в семидесяти от наших пляжных лежаков.

Сразу за этим ручьём, за забором внешнего двора отеля, был пустырь на полгектара, поросший тропической растительностью. По нему меланхолично бродили с полдюжины тёмно-рыжих горбатых коров, отыскивающих там себе корм. Присмотревшись, я обнаружил и немало следов этих животных в самой близости от наших лежаков, в том числе и несколько, слегка подвявших уже, «лепёх». Это всё напомнило мне индийский штат Гоа, где коровы бродили совершенно повсюду, оставляя после себя «удобрения». Радужности такое соседство, разумеется не добавило. Но смириться и пренебречь мелочами можно и в похожих ситуациях. Не такие уж мы и баре…

Чем ещё примечателен пляжный отдых, так это мелкорозничными торговцами, фланирующими со своим товаром вдоль побережья. Что предлагают? Как обычно: пляжные принадлежности. Особой популярностью пользуются здесь просторные лёгкие белоснежные хлопчатобумажные рубахи с капюшоном, всех размеров и на любой возраст. Сюда обязательно наведаются торговцы бижутерией и ювелирными изделиями – браслеты, бусы, колье, серьги – из жемчуга (судя по ценам) «цыганского». Покупают, да ещё как! Женщины, в основном, под неодобрительные ворчания их напарников. Покупают, скорее всего, как сувениры – для многочисленной родни и знакомых у себя дома. То же касается и торговцев

кожаными изделиями: всевозможные сумки и сумочки, кошельки, брючные ремни, браслеты. Уж каков процент там натуральной кожи – кто бы знал из нас, незнаек, бросающихся словно неразумные рыбёшки на блестящие обманки. А вот рекламщикам и зазывалам с образцами тату и красочными копиями картин и рисунков (в основном, пейзажей и марин) везёт меньше всего. И разносчикам фруктов с дымящими ёмкостями морепродуктов – тоже мало перепадает: слишком уж конкурируют с ними «стационарные» береговые «макашники», бесчисленные уличные ларьки и магазинчики, что всего-то в сотне шагов от пляжного побережья.

Встреча Нового года

Сегодняшний вечер – канун встречи Нового года (Тэт) – года Мыши или Крысы по восточному календарю. Признаться, для нас, в седьмой раз выехавших за границу, в страны Юго-Восточной Азии, это не такая уж и редкость. Примерный сценарий этого торжества мы уже заем.

Во Вьетнаме празднуют Новый год едва ли не полмесяца. Начинают ещё за неделю до его наступления. И эта неделя считается у них неделей покупок. По восточному обычаю, в Новый год необходимо одаривать своих родственников и даже близких знакомых. Потому-то и готовятся к нему, копя деньги и загодя делая покупки, чтобы угодить ими одариваемым.

В это же время принято украшать жилища и улицы красными китайскими фонариками и делать разноцветную люминесценцию. Во дворах и при домах выставляются большие керамические вазы с непременно жёлтыми цветами. Обычно это бывают крупные и на высоких (сантиметров до восьмидесяти) стеблях хризантемы, специально выращиваемые под этот праздник, или золотисто-оранжевые крупные цветы шафранов (бархатцев). Если жители дома (или служители отеля) в

вероисповедании буддисты, непременно украшают свои приусадебные (придомные) культовые уголки, с изображением Будды и других божков, жёлто-золотистыми цветами, выставляют фрукты, в блюдцах вкусные кушанья и сладкие напитки.

Дома и прочие строения украшают яркими плакатами и транспарантами-баннерами, с иероглифами, надписями на языках проживающих тут народов. А в последнее время, можно частенько встретить новогодние панно и транспаранты с традиционным пожеланием на английском **«HAPPY NEW YEAR 2020!»** или вовсе – на русском: **«С Новым Годом!»** На площадях и в центрах скопления народа устраивают вечером и ночью ношение чучела Дракона, с танцами и огненными фейерверками под громкие барабанные звуки. Ну, и, разумеется, непременно, повсюду раздаются громкие звуки взрывающихся петард и хлопушек. Чуть не забыл: едва ли не от каждого ближнего ресторана доносятся звуки песен, на вьетнамском языке – признаться, весьма мелодичные. Вьетнамцы очень любят петь под караоке, особенно в праздничные дни.

И ещё. Вьетнамцы, как и большинство населения этого региона, народ эмоциональный, искренне проявляющий свои чувства, помимо общего веселья, устраивают корпоративные и семейные застолья, с горячительным. А хмелеют они очень быстро и сильно, достаточно и ста граммов рома или бутылки пива. Нередки случаи, когда под хмельком, как и нас, русских, их тянет «на подвиги». И проявляются эти «подвиги», о чём неоднократно предупреждали нас гиды-кураторы, в желании поживиться за чужой счёт, вплоть до откровенных краж и грабежей у беспечных туристов-иностранцев. Слава Богу, с нами такое нигде и ни разу не случилось. Но, как говорится, предупреждён, значит вооружён. Или, на Бога надейся, да сам не плошай.

На сей раз от искушения поучаствовать в уличных шествиях и празднествах мы отказались, созерцая всё это со своей лоджии-галереи. Взрывы и фейерверки продолжались практически до самого утра… Им вторили в ночной акустике и громкие рыки мотобайков, превышающие и заглушающие мелодичные песенные караоке…

25 января, день третий, новогодний.

Поход на утренний рынок

Толком так и не поспав, проснулся и поднялся в половине пятого утра. Сделав краткие записи в дневнике, уже часов около шести отправился в сторону города на рынок, о котором осведомился вчера у ларёчных продавцов и знающих туристов. Улица была ещё почти пустынной, зато со множеством мусора, оставленного после встречи Нового года. В некоторых местах дворники и служители ресторанчиков и кафе уже начинали приводить в порядок вечерне-ночные безобразия, собирая мусор в огромные полиэтиленовые чёрные мешки, оставляя их прямо на обочинах дороги или у своих входов. Слегка остывший за ночь, свежий воздух начинал пропитываться и насыщаться уличными утренними ароматами, с примесями гниющих отходов и канализации. Местами принимались подметать уличную территорию торговцы, выставляя тут же на столики и прилавки свои фруктово-овощные товары. Ассортимент этих товаров был везде примерно одинаков, как и цены на них.

Редкие прохожие попадались мне навстречу, так же, как и ранние (или поздние) тарахтящие байкеры с непременными масками-повязками на лицах, нарушавшие уличную тишину. В одном месте крыса – символ наступившего года - вальяжно выползла, намереваясь поживиться остатками пиршества в честь неё. Я непроизвольно прицыкнул на неё, и та лениво

ретировалась. Верхние этажи домиков-коттеджей и отелей стали окрашиваться лучами встающего солнца.

Я шёл уже минут двадцать пять, а признаков рынка пока нигде не замечал, и спросить было не у кого. В одном месте, правда, я обратил внимание на то, что по левой стороне моего направления, с полдюжины женщин суетились, сортируя и выкладывая из больших корзин прямо на землю всё тот же набор известных мне фруктов. Я прошествовал мимо, не полюбопытствовав даже о ценах. Минут через пять я повстречал приближающуюся ко мне трусцой женщину, лет тридцати. Похоже, русскую. Я, извинившись, остановил её и спросил: где же находится рынок морепродуктов? Она ответила, что он расположен в деревне Муйне, в противоположной стороне… Вот так номер! Выходит, я напрасно топал сюда?!

Делать было нечего, я повернул обратно и быстрым шагом двинулся вслед удаляющейся от меня бегуньи. А между тем, в том месте, где я приметил некое скопление людей и фруктового товара, притормознулся и справился о ценах на манго, рамбустины, помидоры. А вот свежих огурчиков, коих я намеревался прикупить, не было и здесь. И тут я обратил внимание на то, что от этой площадки, отгороженной какими-то занавесами, внутрь заходят люди. Из любопытства направился туда и я.

Вот здесь-то мне и открылось то, что было скрыто от глаз идущего по улице. Это и впрямь был рынок, под внушительным навесом. Да какой! Торговцы начинали выставлять груды своего товара на прилавки. Между рядами, прицениваясь, неторопливо прохаживались редкие ранние покупатели.

Тут же мои ноздри уловили запахи печёного сдобного теста, поджаренного мяса и морепродуктов. Ряды торговцев овощами и фруктами чередовались с «макашниками», пекущими сладкие пончики и булки, вафли и багеты; жарящими вкусные мясные и куриные

нарезки. Улавливались и запахи настоящего вьетнамского кофе. Чуть поодаль – шли ряды со свежим мясом всех сортов и видов. Живые ещё утки, курицы и петухи в клетках соседствовали с разделываемыми (ощипываемыми прямо здесь же, опаливаемыми и потрошёными); грудились куриные и перепелиные яйца – россыпью и в упаковках (таких же, как и у нас – по десятку и тридцать штук). Ещё глубже, ближе к выходу со стороны моря, находились ряды торговцев морепродуктами. И опять, прямо на бетонном сыром полу шла фасовка, сортировка и разделка свежей рыбы разных размеров и видов, вплоть до зажаривания. Повсюду, в соответствии с товаром, источались специфические запахи. В этих, задних, рядах стоял ещё невыветрившийся аромат моря и его обитателей. Наконец-то я увидел и вожделенные креветки. Вьетнамка перебирала их, ещё живых и шевелящихся, весьма приличных размеров, едва ли не королевских; набирая в чашки, взвешивала на небольших весах и ссыпала в полиэтиленовые мешочки-упаковки, видимо, фасуя по полкило и килограмму. Я поинтересовался ценой. Из расспросов уличных торговцев, я уже знал, что цены здесь колеблются, в зависимости от времени и улова. Тем более, в праздничный Новый год. Мне ответили, показав на калькуляторе – 160 тысяч донгов за кило. Я не стал торговаться, и вскоре положил в свою сумку шевелящуюся массу креветок, упакованную в два мешочка.

Пройдясь по рядам, я нашёл-таки свежие огурчики, слегка напоминавшие формой и видом недозрелые кабачки, купил упаковку (десяток) куриных яиц. Отоварился помидорами, пятком крупных головок репчатого лука, парочкой сладких перцев (красным и жёлтым), связочкой лонганов. Не удержался от соблазна купить свежих, фаршированных фруктами, пончиков. В общем, сумка моя изрядно потяжелела, но от взятой с собой пятисотки (донгов, разумеется) оставалась ещё едва

ли не половина. Кстати, если не торговаться, то изначальные цены здесь практически ничем не отличаются от улично-магазинных. А сбивать цену и торговаться я как-то так и не научился.

Обзорная экскурсия в Фантхьет (Фантхиет)

Как и было указано в наших экскурсионных квиточках, выданных куратором Максатом, автобус с логотипом «Anex tour» подъехал к нашему отелю ровно в 3 часа дня. По мере продвижения автобуса в сторону города, он всё больше заполнялся туристами.

Фантхьет – если верно нам пояснил и растолковал его семантику немного позднее гид Валерий, трактуется как **Рис у моря.** Так ли это на самом деле, оставим на совести этого толмача. Русские варианты его транскрипции – Фантхиет и Фантьет. В настоящее время это - весьма цивилизованный город, являющийся центром провинции Бинь Тхуан, с населением в 350 тысяч человек (примерно, как Кемерово). Его история, как и многих населённых пунктов южной части современного Вьетнама, уходит из-за благодатного климата, приближённости к морю и протекающей через него реке, - во времена индуистского королевства чамов Каутхара, окончательно покорённого Дайвьетом в **1470** году. Находится он в порядка 200 километров от Сайгона (Хошимина). И примерно столько же от него до Нячанга. Через город протекает река Са Ту, впадающая в пяти километрах в море, образуя плодородную дельту и губу-лиман. Так что, видимо, из-за благоприятных условий выращивания тут риса город и имеет такую трактовку, как **Рис у моря**.

В **1698** году войска вьетов захватили это благодатное местечко, и король Нгуен (Тгуен) Фук Чу присвоил сей местности название **Бинь Тхуан Динь**. Название Бинь Тхуан сохранилось и по сею пору, но уже как провинции Вьетнама. Внутренняя история Вьетнама во многом связана с династическими войнами за обладание

королевской короны – между кланами Чинь, Нгуен, Ле и Тэйшон. И вовсе не случайно, что и нынешние современные вьетнамцы (вплоть до верхних чиновников) носят имена этих династических фамилий, среди которых наиболее распространённой оказалась фамилия Нгуен. Обладателям этих королевско-династических фамилий были даже партийные лидеры и руководители социалистического Вьетнама - **Ле** Зуан и **Нгуен** Фу Чонг.

Официально статус города Фантхьет получил в **1898** году, во времена французско-колониального протектората.

Во время последней войны во Вьетнаме с американцами городок Фантхьет был в руках американской военщины, в котором даже находилась американская авиабаза. Новая история Фантхьета и провинции Бинь Тхуан начинается с **1995** года, когда ожидалось полное солнечное затмение, которое удобнее всего было наблюдать именно отсюда. **24 февраля** сюда съехалось много людей, среди которых оказались и просто туристы. Затмение – затмением, а вот туристам очень приглянулись эти места. И уже летом сюда хлынули потоки «дикарей». В то время здесь был всего один отель. Наплыв туристов побудил к активному строительству гостиниц и туристических баз. С этого времени начинает развиваться и туристический сервис, а соответственно, и торговый розничный бизнес. Более десяти лет назад Фантхьех и его квартал Муйне стали своеобразным паломническим местом Вьетнама и для российских туристов. А такие туроператоры, как «Анекс тур» и «Пегас» имеют «свою» сеть контрактных отелей – от демократических трёхзвёздочных и до элитных.

Как уже упоминалось, достопримечательностями этого курортного места являются:

Водонапорная башня тридцатиметровой высоты, построенная ещё в 1934 году. Это – одно из самых высоких зданий Фантхьета, служащее ещё и ориентиром для

туристов. (Кстати, как уверяли гиды, вода для питья и бытовых нужд в отелях добывается из-под земли посредством скважин).

Чамские башни Посахину (Топ Пошану) – комплекс из трёх башен: главная - в честь бога Шивы, другая – в честь быка Шивы и третья – принцессы Посахины. Построены они были здесь ещё в 7 веке. Все башни давнего королевства чамов являлись составляющими комплексов культовых мест индуизма. Строились они в едином архитектурном стиле со множеством рельефных уступов-пилястр, фигурок божков и пирамидальным крышами. Изготавливались башни из красного кирпича, по особой технологии, по прочности не уступающего камню. Вот потому-то и выстояли многие из них, не смотря на попытки вандального разрушения завоевателями. И до сих пор в этом месте проводятся религиозные обряды, при этом осуществляются они только лёжа.

Семисотметровая **Гора Таку**, находящаяся в 40 километрах от города, со знаменитой статуей **лежащего Будды** (длиной в 49 метров). Это – самая большая скульптура лежащего Будды – основателя буддизма Шакья Муни. Вообще, фигура лежащего Будды очень характерна для культовых храмов буддизма. Она символизирует достижение состояния нирваны. Здесь же строили её три года (с 1962 по 1965). Длина этой скульптуры говорит о 49 днях-ступенях к нирване. Высота (11 метров) – 11 ступеней буддизма. При этой скульптуре имеется и действующий буддистский монастырь.

Маяк Ке Га – самый высокий маяк в Юго-Восточной Азии расположен на острове. Его высота – 35 метров, а вместе с сопкой, на которой он находится – порядка 70 метров над уровнем моря. Выполнен он был французским архитектором Шенават и введёт в строй в 1899 году.

К достопримечательностям города относят ещё **Озеро лотосов, Красные и Белые дюны,** а также **Ручей фей.**

Впрочем, Дюны и Ручей фей находятся практически по соседству с нашим отелем, куда туристы добираются обычно самоходом.

К нашему великому разочарованию, экскурсионная ознакомительная поездка в Фантхьет оказалась банальнейшей шопинговой раскруткой. И с гидом на сей раз повезло нам не очень. Все рассказы её ограничивались и сводились к пропагандистско-рекламной агитации в пользу брендовых товаров посещаемых торговых центров.

Первым остановочным пунктом нашей экскурсии явился ювелирно-торговый центр, над входом в который красовалась надпись **«PRINCESS JEWELRI»** (Принцесса Джевелри). Это – и впрямь внушительный торговый центр с изделиями из драгоценных и полудрагоценных камней, добываемых во Вьетнаме, коих насчитывают порядка 50 видов. А это – разнообразные сапфиры, рубины, изумруды, топазы, аметисты, жемчуга… Перед торговой раскруткой нам показали десятиминутный видеоролик о камнях (рождение которых в недрах земли имеет 10-миллионнолетнюю давность) и географии их добычи. Как акцентируется в клипе, общий объём ежегодной добычи поделочных камней, доведённых до ювелирной кондиции, составляет более 30 тонн!

Осмотр витрин с ювелирными украшениями поистине повергает в шок! Такое разнообразие и невообразимая красота! Кольца, перстни, серьги, колье, браслеты, подвески, броши – в золотых и серебряных оправах… И при этом – такие мизерно-нищенские наши покупательские возможности… Правда и то, что с полдюжины туристов нашего автобуса всё же приобрели для себя кое-что, получив в качестве новогоднего бонусного подарка – кто бутылку шампанского, кто майку с логотипом центра, кто ещё какую-либо сувенирную безделушку. Приценивалась к покупке недорогого колечка, с жемчужной вставкой, и моя жена… А наши новые

знакомые из Тюмени даже ездили сюда потом ещё специально, и нефтяник Сергей за две сотни долларов купил себе здесь перстень в серебряной оправе.

Проехав по довольно широкому и красивому мосту через реку Са Ту, мы приблизились к следующей остановке. А этим пунктом шопинговой раскрутки был Центр восточной медицины **«Моринга»** (для нас с женой подобное было уже едва ли не в третий раз). В качестве развлечения – десятиминутное шоу факиров со змеями и питонами. Признаться, нам это уже так надоело, что мы не пошли на зрелище, а побродили по двору и окрестностям, сделав несколько неплохих фотоснимков. А далее - опять, как по единому сценарию: рекламно-лекционный экскурс в историю народной медицины и изготовления препаратов - из дерева моринга, женьшеня, лекарственных растений Вьетнама, змей, скорпионов, крокодилов и прочих рептилий. С показом и рекламой препаратов. И непременно – акцент на том, что в магазинах и аптечных пунктах города нам обязательно втюхают явную подделку; что настоящие препараты можно приобрести только здесь.

После – торговые залы с рекламными зазывалами. Помимо лекарственных препаратов здесь немало изделий из кожи: змей, крокодила, ската и прочих земноводных. Бегло пройдясь и озадачась ценами на продаваемые товары, я, как и многие сотоварищи, особенно мужчины, вышли на улицу, где уже вовсю начали сгущаться сумерки. А вот жена моя подзадержалась и вернулась с гидом, неся в руках пакетик, в котором оказалась купленная за 270 тысяч донгов мазь-бальзам зелёного цвета из яда то ли кобры, то ли скорпиона. Замечу, что аналогичные мази «У Вани» и иных торговых точках Муйне стоят на порядок меньше (25-45 тыс. донгов. И процедурный эффект – такой же). Ну, как тут не припомнить афоризм «нашего Всё»: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад».

Наконец, высадили нас, уже потемну, у торгового **Центра чая и кофе.** (И это мне с женой уже ведомо неоднократно. При этом отмечу, что лучшим из всех подобных вариантов было посещение на китайском острове Хайнань «Домика чайной церемонии»). Здесь же – практически полная аналогия с Нячангом.

Рассадив за столы и выдав квиточки с перечнем дегустируемых напитков, нам поведали о чаях, выращиваемых во Вьетнаме и сортах кофе: «*арабика», «робуста»,* гибридном кофе «*кули».* Ну, и разумеется, таких сортах, как «*лювак»* и «*слон»*, полученных из фекальных отходов зверька куничка или слонов. Нам было уже известно, но непременно напомнили ещё неоднократно, что в настоящее время Вьетнам является вторым в мире по выращиванию и экспорту кофе. Вполне конкурентного на мировом рынке.

Среди сортов чая акцент был сделан на сорта «*Оолонг лотос», «Оолонг молочный» (Oolong Sua), «женьшеневый», «артишоковый» и какао.* Особенности выращивания и получения каждого сорта кофе, как и чая, сопровождались не только эмоциональными рассказами, но и дегустацией из мизерных (на один глоток) фарфоровых чашечек. Как и прежде, из чаёв на меня большее впечатление произвели *«молочный», «лотос» и «артишок»*; из кофе – *«лювак»* (если это был и в самом деле таковой, поскольку является самым дорогим кофе) и *«кули».*

После дегустации – торговые залы с чаями, кофе и крепкими напитками, вплоть до рома с заспиртованной в каждой бутылке змеёй или скорпионом. Ну, и, непременно (а как без этого?!) – только здесь (и нигде более!) мы сможем приобрести настоящие брендовые товары… Охотно клевали на эти приманки новички, приехавшие во Вьетнам впервые или те, кто прибыл сюда накануне. Опять-таки, для сравнения: **100** граммов кофе в зёрнах, в

зависимости от сорта и способа обжарки, здесь стоит от 150 тысяч до 2500 тысяч донгов. В уличных маркетах, где обычно продают огромное количество различного кофе, упаковка фасовкой в **500** граммов, стоит от 80 до 130 тысяч донгов (240-400 рублей). Как говорится, две большие разницы…

26 января. День пляжно-праздный.

Рыбаки и уловы

На сегодня у нас – день свободного отдыха, завтра будет поездка в Сайгон, на целый день.

Проснувшись, как обычно рано, ещё до рассвета, делал записи. А с рассветом решил податься к морю. И вот тут-то наконец я увидел рыбаков, выплывавших в своих круглых лодках-корзинах с моря, с уловом. Причалив лодку к берегу, один-два вьетнамца (видимо, родственники) тут же помогали рыбаку с помощью специальных бамбуковых шестов, оттащить её на песчаный берег, метров на десять- пятнадцать от воды.

В лодках грудою лежали сети и ловушки. Подстелив на песок подле лодки клеёнку или кусок полиэтилена, начинали перебирать сети, выпутывая и отбрасывая в сторонку улов. А в крупноячеистые (до 50 мм.) сети попадали, в основном, ракушки-рапаны, размером с кулак, разноцветные раковинки-гребешки, диаметром со стакан, шевелящиеся кальмары, лобстеры, членистоногие, с вёсельными хвостами, серые королевские креветки; поблёскивала не очень крупная рыба (внешне напоминающая мне ставридку и сайру); между ними – какие-то пластинчатые желеобразные коричневатые водоросли (или что-то иное?), …

Признаться, и не очень-то богато. Я ожидал большего и разнообразного. Тем более, что ловушки и сети в море простояли не менее трёх суток (я впервые увидел за всё это время вернувшихся рыбаков после снятия и проверок

снастей). Очищенные от улова и мусора сети из тонкой лески укладывались в одну груду, улов же сортировался, в зависимости от вида морепродуктов.

Помогали в этом деле и женщины, непременно в марлевых повязках и конических вьетнамских шляпах. Прямо тут же кололи раковины рапанов и извлекали из них шевелящиеся тела-мышцы. Остатки раковин бросались на берег, их содержимое – в специальные ёмкости. Тут же находились уже и скупщики – побережные «макашники». Так что выловленный товар у рыбаков не залеживался и реализовывался прямо на берегу.

Таких рыбацких лодок, из которых выбирали сети и сортировали улов, на «нашем» пляжном побережье было не менее десятка. Виднелось аналогичное и дальше, в обе стороны от нас.

А вот и ещё один вид рыбалки: из моря вручную выбирали мелкоячеистый (до 10 мм.) невод. Этот невод, длиной не менее полукилометра только каждой из стенок, высотой (шириной) метра в полтора, выставлялся вдоль побережья ночью, метрах в трёхстах от берега. Теперь оба конца его начинали выбираться: сначала прочные концы-канаты, постепенно сближаясь по берегу друг к другу. Каждый конец невода тянули по три рыбака, упираясь ногами о песок и пятясь задом от воды. А вот показались уже и сами сетчатые стенки невода. И попеременно, перехватывая стенку невода тросиком, привязанным одним концом к поясу, рыбаки продолжали «бурлачить», всё также пятясь и сдвигаясь друг к другу с обоих концов. Временами в стенках невода блестели зацепившиеся длинноносые рыбёшки, будто насаженные уже на шашлычные шампуры. Не обращая на них внимание, выбранные части невода с рыбёшкой рыбаки оставляли на берегу. «Бурлаки», сближаясь с обоих концов, продолжали с усилием делать своё дело, покуда не стала показываться и сама «мотня» невода, взбудораживающая за собой воду.

Наконец и основная часть невода (мотня) оказалась на берегу. Любопытные наблюдатели, в числе коих был и я, подошли поближе. И каково же было наше разочарование уловом: там оказалось всего килограмма полтора мелкой рыбёшки, среди которой попадалась и такая, какую ловили на обычную удочку… Да-а-с… Да на наших реках, Томи или Оби, одна такая каторжная тоня дала бы не менее полутонны разной рыбы! И как делить этот улов на шестерых? Ладно, если эти рыбаки – все из одной семьи, на один раз поесть, пожалуй, только и хватит… Но продать-то совершенно нечего. И как жить-выживать, если этот вид рыбной ловли для них основной или единственный? Кстати, индивидуальный семейный бизнес во Вьетнаме не облагается налогом. Не идут с него отчисления и в пенсионный фонд. Разумеется, и пенсию таким работягам тоже не платят. Гарантированную пенсию во Вьетнаме получают только государственные и военные служащие…

Практически весь день предавались пляжной неге, сходя после обеда в магазинчики. Уже начинаем присматривать и прикупать что-то для дома.

Вечером, у себя в номере отварили часть купленных креветок (для этого специально из дома прихватили небольшую алюминиевую кастрюлечку и электрокипятильник), сделали салат из свежих огурцов, помидор, перца и репчатого лука, заправив всё майонезом. Добавив к ним моих вяленых окуней, сырокопчёную колбасу, сыр, хлеб «дарницкий» - получился вполне приличный ужин. К тому же – пиво и ром – как без этого. И после ужина – купание-барахтанье в бассейне внутреннего двора отеля…

Да, ещё днём отдал талончики на завтрак дежурному, чтобы те приготовили нам ланч-пакеты на завтрашнюю раннюю экскурсионную поездку в Сайгон.

27 января 2020 г. Экскурсия в Сайгон (Хошимин)
Ещё 200 километров на юг Вьетнама

Дозы вчерашнего ультрафиолета уже с вечера давали о себе знать. Особенно припекало живот и левое бедро. Спалось тревожно и дискомфортно, ещё и от того, что не было абсолютной надежды на телефонный будильник, боялись проспать. А нас предупредили, что никого особо ждать не будут. Ещё с вечера на ресепшен выяснили, что наш отъезд намечен на 4.15 утра. Проснулся я в половине второго. Да так заснуть уже больше и не смог. Несколько раз выходил на лоджию-галерею, вдыхал ароматы ночного пригорода и морского побережья. Небо, ещё вчера практически безоблачное, было полностью затянуто серой пеленой. А уже на выходе, перед прибытием автобуса, нас оросили капли тёплого южного дождичка. Там, кроме нас, собралось с дюжину отбывающих уже в Камрань туристов. И гид-девица этих отбывающих сказала, что это – первые здесь дождевые капли за последние пять месяцев. Мне вспомнилась полусерьёзная песенка из юности: «Добрая примета – капля дождевая…». Впрочем, этот малохольный дождичек сопровождал нас всего-то минут двадцать пять, пока мы ехали по городу Фантхьет, уже узнаваемым маршрутом. Дождевые капли освежали знойную дорогу, а дворники лобового стекла автобуса, уже забыто, смахивали дождинки, собиравшиеся в ручейки.

Сопровождающим нас экскурсионным гидом на сей раз оказался смугловатый мужчина, назвавшийся **Валерием.** Его говорок с лёгким акцентом, выдавал в нём малоросса. К его чести, за всю экскурсию он лишь однажды обмолвился, что родом он с Украины. И больше ни слова о натянутых отношениях Украины с Россией. Ну, а то, что в настоящее время в странах зарубежья, в том числе и Юго-Восточной Азии, работает в турсервисе множество наших бывших соотечественников, для нас уже давно не секрет. Причиной тому – отсутствие нормальной

работы у себя на родине. Валерий, как и многие другие гиды, оказался весьма начитанным и грамотным человеком, неплохо разбирающимся в истории, географии, этнографии, культуре и литературе. Он легко переходил с одной темы на другую, если был тому повод: обычно какой-либо вопрос туристов, чаще – просто праздно-дилетантский. Впрочем, вскоре в нём проклюнулся менталитет малоросса – ленца, если это позволяли условия и обстоятельства. Сужу это по тому, что вторую часть дороги *туда* он проговорил, не останавливаясь, зато *весь обратный путь* он либо проспал на переднем сиденье, либо сидел, уткнувшись в свой смартфон. Своих же подопечных он полностью предоставил видеофильму «Индокитай».

Автобус турфирмы «Анекс тур» под номером 47 был полностью загружен туристами из Муйне (четверо из нашего отеля, с полдюжины из соседнего «Кенери», остальных добирали по пути следования). Собрав всех записавшихся и сделав общий инструктаж, Валерий сообщил, что первую остановку мы сделаем через пару часов пути. Там и позавтракаем. (Кстати, на ресепшен нам выдали ланч-пакеты – вместо проплаченных завтраков в ресторане. В нашем общем пакете оказалось по две бутылочки воды и по паре упаковок с едой).

Наши места на сей раз были сразу же за гидом. Едва разместились и гид выключил в салоне свет, моя Людмила предалась в объятия Морфея, добирать отнятое в сновидениях. А я всю дорогу смотрел в окна – то в своё, то в водительское лобовое. Трасса шла на юг, всё такая же прямая и гладко-ровная. Это вам не наши сибирско-российские ухабистые дороги, верхнему покрытию которых по сравнению со стандартными европейскими недодают аж 17 компонентов. Автобус идёт мягко, без резких торможений и обгонных рывков.

По обеим сторонам трассы, как и по пути от Камрани до Муйне, практически, сплошные строения, либо всё той же оригинальной вьетнамской архитектуры, либо китайского стиля, а то и вовсе – современного космополитично-европейского. То же касается и культово-религиозных сооружений. Но чем ближе мы приближались к бывшей столице Южного Вьетнама, тем чаще и больше стало попадаться католических храмов – от миниатюрных часовен и до капитальных соборов, с непременными массивными католическими каменными крестами. При этом, предрассветную темноту вовсю ещё расцвечивали огни новогодних украшений.

Придорожные строения деревень непременно перемежались с приусадебными полями и участками. И всё чаще попадались участки с густыми кустами питахайи, каждый из которых ещё и подсвечивался небольшой электрической лампочкой. Питахайя – культовое растение вьетнамцев, без плодов которого не обходится ни один новогодний праздничный стол. Цветёт и созревает оно исключительно ночью. А ещё лучше и быстрее, если его дополнительно осветить и подвести индивидуально к каждому кусту оросительные шланги.

Временами попадались участки – из стройных рядов лиственных деревьев, к каждому из которых, примерно в метре от земли, была прикручена получаша. Это – плантации гевей, а в чаши собирается их сок, из которого получают латекс и каучук. (Кстати, такие плантации гевей и фабрика латексных изделий показаны в нашумевшем фильме «Индокитай» - времён французской колонизации).

Первую остановку мы сделали в **местечке Доу Пу.** Это – примерно половина пути до Сайгона. Здесь – специально оборудованная площадка для останавливающихся автобусов с туристами и огромнейшие просторные залы – со множеством обеденных столов. По периметру залов расположены многочисленные торговые

магазинчики, кофейни, открытые кухонки с выпечками, столы и прилавки с разнообразными фруктами и проч. Правда, из-за раннего времени, большинство из них ещё не работало. В торце строения – просторные и совершенно чистые туалетные комнаты.

Очень не хотелось бы в эту «медовую бочку» плеснуть хотя бы чайную ложечку дёгтя, но придётся. И ею является опять-таки пресловутый повсеместный мусор – вокруг этого заведения. Как попытался дать свою трактовку этому явлению гид Валерий: «Культуры не хватает». И вот парадокс: ведь смогли же привнести сюда свою европейскую культуру французские колонизаторы и миссионеры: культуру архитектуры, католической религии и обрядов, европейской кухни, а вот культуру быта вьетнамцев осилить не смогли ни французы, ни американцы. Ну, может быть, в том и суть каждого народа: сохранять свои обычаи и традиции, при этом, желательно, всё же – лучшие.

Сходив в туалет, мы заняли с женой свободный столик (а их тут в это раннее время – бесчисленно) и позавтракали тем, что Бог послал нам в ланч-пакетах. А в них было, похоже, то, что оставалось от вчерашней утренней общей ресторанной трапезы: маленькие булочки, кусочки поджаренных сосисок, кружки колбасной нарезки, по парочке куриных варёных яиц, небольшие плошечки с овощным салатом, брикетики сливочного масла, вкусные сладкие мандаринки, по упаковочке десертного йогурта. В общем, даже всё разом мы и осилить не смогли. Кое-что оставили и на ужин – Бог весть, когда ещё вернёмся из поездки?

Хошимин. Сайгон. Немного истории.

Опять-таки, со слов гида Валерия, Сайгон трактуется, как **Дерево на реке.** Как и многие города и поселения современного Вьетнама, насчитывавшие тысячелетние истории, нынешний город Хошимин, имел несколько

названий. Среди них наиболее распространённым и устойчивым являлся **Сайгон.**

В настоящее время **Сайгон (Хо Ши Мин, Хошимин**) – это самый большой город (мегаполис) Вьетнама. Он насчитывает по одним данным порядка 11 миллионов населения, по другим – 8,5 млн. Поскольку он находится в дельте крупнейшей реки Индо-Китая Меконг, его история не может не уходить в древность. А посему не удивительно, что эту плодородную для земледелия дельту реки, богатую рыбой и морепродуктами, территорию, близкую к морю, - не могли не облюбовать древние народы, проживавшие здесь. А это – и индуистские чампы (чамы, тямы), и камбоджийские кхмеры-буддисты, а позднее – и племена вьетов и бойе, вытеснившие коренных аборигенов этой земли. Во времена кхмеров (владения этой территорией королевством Ангкор (Камбоджа) на территории нынешнего Хошимина находился город **Прей-Нокор.** Вот потому-то Камбоджа до сих пор имеет претензии к территориям Вьетнама, находящимся в дельтах рек Меконг и Сайгон.

Более полутора тысяч лет существовало на территории нынешнего Вьетнама чамское королевство – со своей культурой, пантеистической религией, укладом жизни, промыслами. Более сорока средневековых городов насчитывало королевство Каутхара. Начало активного завоевания и вытеснения чампов племенами вьетов относят к 1069 году.

Пришедшие с севера воинствующие племена, образуя свои города-крепости Дананг, Хайян (Хоян), Фантхьет, всё активнее приближаются к территории нынешнего Хошимина. К середине **13 века** (кстати, времени окончательного завоевания Руси татаро-монголами) племена вьетов заселяют территорию нынешнего Вьетнама, образуя своё королевство **Дайвьет** с царствующей династией **Чинь**. И уже в это время

королевство как бы делится на две части – северную (Донгнай) со столицей Тханлонг - с царствующей династией Чинь и южную (Дангчанг) – династии **Нгуен** со столицей Фусуан (Дананг). В соперничество царствующих династий Чинь и Нгуен вклинивается ещё одна династия **– Тэйшон,** а позднее - и **Ле.** Междинастические войны ведут к жестоким обоюдным вырезаниям кланов. Мало того, приходится постоянно обороняться от нашествия соседей – китайцев, тайцев, кхмеров, малазийцев. После завоевания этой территории тямов Дайвьетом, с **1698** года поселения на этом месте стали носить общее название **Зядинь.**

Уже в середине 18 века южная часть вьетнамского королевства династии Нгуен концентрируется вокруг этого города, разделённого рекой Сайгон.

В 1802 году Вьетнам формируется как единое государство. Увы, девятнадцатый век, не принёс Вьетнаму единства и мирного времени. Активный процесс колонизации Юго-Восточной Азии европейцами не мог не затронуть и королевства вьетов. На этот лакомый кусок нацелила свои алчные интересы и Франция, которая, как гидра, от своего наполеоновского эпицентра стала проявлять агрессию во все стороны (Египет и северная Африка, страны Индо-Китая, на востоке – Россия и т.п.).

К середине 19 века (1859 г.) колониями Франции становятся первые три провинции севера вьетнамского королевства. Экспансивные планы Франции ширятся с каждым годом, число колониальных провинций увеличивается, входя в колониальную митрополию. И уже с **1867** года столицей французской колонии во Вьетнаме официально становится **Сайгон,** переименованный по названию реки, объединяя пять южных провинций. Вьетнам периода французской колонии вошёл в историю, литературу и кинематограф под названием **Индокитай.** С 1867 по 1901 год Сайгон является официальной столицей колониального Индокитая.

Тут следует сделать некоторую оговорку. Не всё было так уж и плохо для развития Индокитая и предпосылок для его дальнейшего формирования, как единого самостоятельного государства Вьетнам, при колонизации его Францией. Французы привнесли во Вьетнам немало и положительного. Благодаря французам, Вьетнам обрёл свою грамотность, заменившую прокитайские иероглифы латиницей. При этом была разработана и специфическая оригинальная грамматика, адаптированная под тонально-слоговой разговорный язык вьетнамцев. Миссионерство несло населению Индокитая новую для них религию – католическое христианство. Строилось огромное количество католических храмов по канонам их европейской архитектуры. Появляются даже целые новые города европейского стиля (в 1893 г. было положено начало строительству города Далат в высокогорном районе).

Благодаря французам во Вьетнаме появляются целые новые отрасли народного хозяйства. В частности – молочное животноводство, виноградарство и виноделие. Более сорока лет отдал Вьетнаму французский учёный-микробиолог с мировым именем **Александр Йерсен,** занимавшийся изучением эпидемий и вирусов, разрабатывая противовирусные вакцины – вплоть до создания в Нячанге научно-исследовательского эпидемиологического центра им. Луи Пастера.

Это из-за французской колонизации (налогов на землю) вьетнамская архитектура приобрела устойчивые формы зданий (узкие по фронту и вытянутые вглубь территории от дороги (улицы). Это по проектам французских архитекторов были построены уникальные здания в Сайгоне, такие, как собор Нотр-Дам де Сайгон, Главпочтамт, Мэрия, Оперный театр и многое другое.

Это из-за налогов на катера и лодки вьетнамские рыбаки научились делать свои круглые плетёные лодки-

корзины, получившие название тхунгчай - так широко применяемые и в настоящее время.

И всё же, какие бы блага ни нёс колониальный протекторат, народ всегда стремится от его избавления. Колониальный режим поддерживался в Индокитае, благодаря марионеточному правительству королевских династий. Первая половина 20 века в цивилизованной Европе взбудоражена революционными движениями. Бывшая могучая Российская монархическая империя освобождается революционным путём от царствующей династии Романовых, превратившись в первое в мире социалистическое государство – СССР. Труды его главного идеолога В.И. Ленина становятся достоянием революционно-настроенных умов даже в странах Индо-Китая. Одним из сторонников революционных преобразований становится вьетнамский коммунист Хо Ши Мин, создавший даже коммунистическую партию Индокитая. А в 1941 году на территории Китая по инициативе всё того же Хо Ши Мина была создана Лига за независимость Вьетнама – **Вьетминь**. И уже **2 сентября 1945** года лидером борьбы за независимость было провозглашено образование независимой республики Вьетнам, (Демократическая республика Вьетнам - **ДРВ**) с центром в северной части страны – городе Ханой.

Однако уже осенью этого года французам удалось восстановить колониальный протекторат над южной частью Индокитая, а в декабре 1946 года Франция начала крупномасштабные военные действия против провозглашённой независимой республики – в северной её части. И по сути, именно с этого времени современная история Вьетнама делит его на два самостоятельных государства – Северный (демократический) Вьетнам и Южный (колониальный) Вьетнам. Столицей Южного Вьетнама, как и прежде, является город Сайгон.

В 1950 году военную помощь Южному Вьетнаму стали оказывать США. В противовес им, на стороне Северного Вьетнама выступил Китай, имея, между прочим, в том и свои корыстные цели – в виде некоторых спорных островов Южно-Китайского моря.

В **1954** году в **Женеве на Конференции** было узаконено **Соглашение** между противоборствующими сторонами, согласно которому прекращалась история колониального Индокитая и признавалось **два самостоятельных и суверенных государства Вьетнама, поделённых по 17-й параллели.**

Северный Вьетнам со столицей в Ханое и его лидером Хо Ши Мином вступил на прокоммунистический путь развития. **Южный Вьетнам (**с Сайгоном**)**, оставался пока всё ещё под колониальным протекторатом Франции, управлялся марионеточным правительством последнего императора Бао Дай. Недовольство марионеточным правительством привело к тому, что в Южном Вьетнаме, стали формироваться силы сопротивления, что повлекло за собой по сути гражданскую войну.

Императора Бао Дай сменило правительство Зьема, не менее марионеточное. В 1960 году под влиянием патриотически настроенных сил и коммунистов создаётся Фронт Национального освобождения Южного Вьетнама, получивший вскоре название **Вьет Конг.**

Вьетконговцы (вьетнамские коммунисты) начинают активные военные действия против колонистов и поддерживающей их режим части народов Южного Вьетнама. Мало того, они обращаются за помощью к военным силам Северного Вьетнама (ДРВ). И те – через горы и территорию соседних Камбоджи и Лаоса перебрасывают в Южный Вьетнам до 40 тысяч своих военных вместе с оружием и военной техникой (так называемой «Тропою Хо Ши Мина»).

И с **1965** года в эту войну втягиваются уже основательно военные силы США – якобы, оказывая помощь по просьбе правительства Южного Вьетнама…

После поражения американцев в войне, в **1975** году Сайгон переименовывают в **Хошимин**, в честь вождя вьетнамских коммунистов. Южный и Северный Вьетнам наконец-то объединяются вместе и с тех пор существуют уже как **Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ).** А ныне ему вновь возвращено прежнее официальное название – Демократическая Республика Вьетнам **– ДРВ**.

Между столицей нынешнего Вьетнама Ханой и Хошимином расстояние в 1700 километров.

Современный Хошимин, с населением в 8,5 миллионов человек, является многонациональным городом, в котором основными являются вьеты, хоа (китайцы), кхмеры и тямы. Порядка 80% населения исповедуют буддизм – во всевозможных его проявлениях. 10% населения – католики.

Современный Хошимин делится на 19 городских районов и 5 сельских уездов. Районы города представлены 260 кварталами, а уезды – 63 сельскими коммунами.

Хошимин поистине – крупнейший промышленный, экономический, научный и культурный центр Вьетнама! Одних только высших учебных заведений насчитывается в нём более 40. Среди наиболее престижных выделяются: Вьетнамский национальный университет, Технологический университет; университеты информационных технологий, банковский, архитектурный, юридический, экономический, транспортный, химической промышленности, консерватория и многие другие.

Хошимин становится настоящим городом-сити европейского образца, благодаря огромным масштабам строительства, в том числе и современных высотных зданий. Одних только высотных многоэтажек (свыше 100 метров высотой каждая) насчитывается более тридцати. И

среди них – наиболее знаменитая и видимая практически со всех кварталов города 64-этажная высотка (262 метра), именуемая башней Bitexco Financial Tower. С 2014 года в городе идёт строительство ещё одной высотки-гиганта – 81-этажной башни The Landmark, высотой 350 метров.

Чтобы ослабить и разрядить транспортно-пассажирский поток в городе, совместно с японцами, ведётся строительство метрополитена.

Центральный район города насчитывает порядка 230 тысяч жителей. В нём сосредоточены административные, офисные и культурные комплексы. Среди достопримечательностей этого района следует отметить базилику (собор) Нотр-Дам де Сайгон, Главпочтамт, Оперный театр, Мэрию (ратушу), дворец Воссоединения, Центральный рынок, Vincom Center (торговый центр). А расположены они, в основном, на улице Донг Кхои и бульваре Нгуен Хюэ.

Музей военных преступлений (военный музей)

Наш туристический автобус, миновав широкий и довольно длинный мост через реку Сайгон, петляя по не очень пока ещё загруженным улицам Хошимина, продвигается к месту нашей первой остановки. Приятно удивляют и даже поражают виды новых кварталов этого города – своими гигантскими высотками из стекла и бетона. Да и улицы здесь, не в пример Муйне и Фантхьета, намного шире и чище. Такое впечатление, что находишься в самом настоящем цивилизованном европейском мегаполисе-сити. Особо поражает своим величием комплекс строений из высоток, принадлежащих одному хозяину-олигарху – долларовому миллиардеру, начавшему свой бизнес с изготовления лапши быстрого приготовления. В центре комплекса высится задние Bitexco Financial Tower со смотровой площадкой на 49 этаже и выступающей площадкой (примерно на уровне 40-50 этажа) для посадки вертолётов вип-персон.

Военный музей - это целый музейный комплекс – находится недалеко от центра города. Мы являемся едва ли не первыми его сегодняшними посетителями. Пройдя через пропускные ворота, попадаем на открытую огороженную территорию, на которой экспонируется военная техника, применяемая в течение двадцатилетней войны американцев против вьетнамцев. А это – различные боевые самолёты (за исключением бомбардировщика Б-52, которых за всё время военных действий было сбито всего 2 единицы); боевые бронированные вертолёты, артиллерийские орудия, вплоть до гаубиц и ракетных установок, боевые машины пехоты и бэтээры, огнемёты, миномёты и гранатомёты…

Особое место под открытым небом занимают образцы авиационных бомб. За время боевых действия американской военщиной было сброшено на Вьетнам более **18 миллионов различных авиабомб**! Если учесть, что население всего Вьетнама (Северного и Южного) составляло на то время порядка 45 миллионов человек, нетрудно подсчитать, что на трёх вьетнамцев приходилось по одной сброшенной авиабомбе.

Мало того, американцы в этой войне (а власти США до сих пор официально не признают, что была война против Вьетнама) испытали многие виды запрещённого химического и бактериологического оружия, вылив на территорию Вьетнама **80 миллионов литров отравляющих веществ!** От такого оружия, как *напалм,* заживо сгорели тысячи вьетнамских сопротивленцев и мирных жителей. Особой жестокостью со стороны американцев было применение *диоксина,* от которого гибли не только люди и животные, но и вся растительность. В местах его применения, как после пожарищ, стоял совершенно голый лес. Не менее варварским было и использование американцами *белого фосфора.*

25 февраля 1969 года (ровно за неделю до событий на советско-китайской границе, острове Даманский), благодаря бесстрашию журналистов, мир облетела весть о небывалой жестокости американской военщины, когда было уничтожено практически всё мирное население (500 человек), включая детей и даже грудных младенцев вьетнамский деревушки *Сангми*. По приказу самодура-лейтенанта, вооружённые до зубов вояки расстреливали едва ли не в упор из своих автоматов всех подряд, кто бы ни попался им на пути, в том числе и мирно спавших в своих домах и кроватях немощных стариков и малолетних детей… Якобы, из-за того, что мирные крестьяне здесь оказали сопротивление американским солдатам. Удалось спастись лишь 32-м жителям, поведавшим о зверствах «освободителей». Сангми – это вьетнамская Хатынь…

Более трёх миллионов погибших вьетнамцев – таков итог сопротивления и борьбы за независимость вьетнамского народа против американской военщины. Почти 9 миллионов человек Вьетнама и его союзников прошли через эту поистине антигуманную войну. Потери американцев за 20 лет боевых действий составили всего порядка 58 тысяч солдат и офицеров. На стороне Вьетнама было и немало советских военных инструкторов, официально не принимавших участия в боевых операциях, тем не менее потерявших более 40 своих сограждан.

Три этажа здания военного музея, своими экспозиционными залами наглядно показывают, поистине преступные, зверства и последствия американской военщины против регулярных войск, партизан и мирных жителей этой маленькой свободолюбивой страны, боровшейся за свою независимость. Стрелковое оружие всех видов и модификаций, тысячи экспонатов боеприпасов, гранат, мин и патронов заполняют залы музея. А ещё – фотографии, от которых становится дурно и не выдерживают нервы, на которые невозможно

смотреть без слёз и спазмов. И не только людей, изуродованных войной, но и от последствий воздействия отравляющих веществ – на рождённых послевоенных детей-уродцев… Отголоски той войны протуберанцами прорываются и в наше время… На потомстве…

С захватом Правительственного здания Южного Вьетнама объединёнными национально-освободительными силами – **30 апреля 1975 года** – официально заканчивается эта кровопролитная война. Войска США были полностью выведены из этой страны, а бывшую военную базу США в Камрани арендуют у СРВ военные силы СССР.

Нотр–Дам де Сайгон

Миновав красивое здание Народного собрания, в проектировании которого принимал участие знаменитый французский архитектор Гюстав Эйфель, наш автобус подъезжает к самому центру города – Главпочтамту и собору Нотр-Дам де Сайгон, находящихся на площади Парижской Коммуны. (Напомню, что издавна центром любого города считается Главпочтамт, и от него уже идёт отсчёт километров в разные направления).

Католический храм **Нотр-Дам де Сайгон** не без основания можно считать младшим братом знаменитого французского храма Нотр-Дам де Пари. Да на это «родство» указывает даже и первая часть его названия (Нотр-Дам де). Кто же из иностранных туристов, приехавших в Париж, минует несомненный шедевр средневековой архитектуры – Собор Парижской Богоматери, воспетый в литературе французским классиком - самим Виктором Гюго!

Вот и этот католический храм был построен во времена колониального Индокитая французскими строителями. Начало строительству собора в Сайгоне положил объявленный губернатором Мари-Жюль Дюпре в 1876 году конкурс на проектировку и строительство здесь католического храма – как символа религиозно-

идеологического величия и торжества Западной цивилизации. Победителем этого конкурса стал архитектор Жюль Бурар. Местом строительства храма было выбрано пересечение центральных улиц города – Донг Кхои и Нгуен Ду. Позднее это место получит название площади им. Парижской Коммуны.

Для возведения собора, по подобию парижского, из Франции завозились морским путём абсолютно все строительные материалы, внутреннее убранство базилики и даже уникальный музыкальный инструмент - орган. Этот шедевр архитектуры был построен в удивительно короткие сроки. Как констатирует история, первый камень в фундамент собора заложил епископ Исидор Коломбе **7 октября 1877 года**. А открыт собор был уже на католическую Пасху **11 апреля 1880 года**! И с этого времени данная католическая базилика Сайгона получает статус Государственного Собора Франции.

В 1895 году к основному зданию собора были пристроены ещё две боковые колокольни. Полная высота базилики, таким образом, составляет 60,5 метров.

Согласно архитектурно-композиционному замыслу, в комплекс собора должна была входить скульптурная группа, стоящая отдельно, перед входом, на мраморном постаменте. Скульптура эта символизировала религиозно-государственный протекторат Франции над Вьетнамом. На ней из бронзы были отлиты фигура архиепископа, ведущего за руку принца Кунху (сына тогдашнего императора Гия Лонга). Но во время провозглашения Хо Ши Мином образования Независимой республики Вьетнам (1945 год), эта скульптурная группа была снесена с пьедестала. И пьедестал перед собором оставался пустым более десяти лет, пока на его место не было решено возвести новую статую. А кто должен был занять это место - было очевидным: та, в честь кого и возведена была базилика – Пресвятая Дева Мария.

Между тем, Нотр-Дам де Сайгон имеет и архитектурные отличия от своего знаменитого собрата. И не только тем, что он меньше размерами. К примеру, у него отсутствуют изваяние химер, сидящих на верхнем ярусе по периметру крыши. Не полюбоваться воочию и уникальными витражами окон и плафонов перекрытия. Красоту витражей этого собора в какой-то мере воспроизводят лишь цветные фотографии. Сами же витражи были порушены во время боевых действия в Сайгоне и до сих пор не восстановлены. Да и вообще, полная реставрация собора ещё далека от своего завершения. К тому же, после недавнего трагически-печального события с пожаром в Нотр-Дам де Пари, было решено и в этом соборе заменить тяжелую черепичную кровлю – на более лёгкую, из негорючих материалов. Так что боковые фасады собора находятся в строительно-реставрационных лесах. Да и внутрь собора туристам не попасть. Зато фотографируйся на его фоне – сколько душе угодно! В любых ракурсах.

Чем ещё примечателен этот собор, так это белоснежной **статуей Богоматери** (Пресвятой Девы Марии), стоящей отдельно на постаменте, на небольшой пощади, перед главным входом в собор. Изваять фигуру Богоматери было разрешено итальянскому скульптору Джузеппе Сиочетти. И в 1959 году 4-х метровая статуя Девы Марии из белого мрамора была возведена па пустующий постамент. В своих руках Пресвятая Дева Мария держит глобус (символ земного шара), попирая ногою змею. И опять в этом есть своя символика – **Победы Добра над Злом во всём Мире!**

А не так давно, в 2012 году, эта статуя явила миру чудо – **замироточила.** Впрочем, официально это чудо главой Ватикана и всей католической церкви Папой Римским признано не было.

В настоящее время Собор Нотр-Дам де Сайгон носит официальное название Кафедральная Базилика Нотр-Дам (NOTRE - DAME CATHEDRAL SAIGON).

Главпочтамт – является непременной достопримечательностью современного Сайгона (Хошимина). Как и здание Народного Собрания, он проектировался при участии Гюстава Эйфеля, а посему является объектом охраны ЮНЕСКО. Над его арочным входом, в полукруге, красуются крупные буквы латиницы: DUU DIEN, под ними – часы.

Почта, как атрибут, и весьма сложный институт передачи письменной информации и посылок, в настоящее время утрачивает свои былые значения и традиции. Виной тому – мультимедийные средства передачи информации и коммуникации. Тем не менее, почта вообще, и Главпочтамт в Сайгоне – пока до сих пор ещё считаются действующими. Отсюда можно отправить почтовое сообщение, в виде открытки, в любом направлении.

Здание Главпочтамта в Сайгоне соседствует с упомянутым храмом. И изрядно контрастирует с ним, как по архитектуре, так и по цветовому решению. Выполнено оно в серых тонах, в отличие от Собора. Оно и понятно: религиозность по тем временам имела доминирующее значение. Вместе с тем, здание Главпочтамта, не подавляя величие Собора, входит как бы в единый архитектурный ансамбль центральной площади.

А когда входишь внутрь здания, пред тобой простираются его объёмы - со сводчатыми высокими витражными потолками, боковыми «крыльями» (ныне занятыми под торговые залы). На стене, противоположной входу, - большой красочный портрет вьетнамского кормчего Хо Ши Мина. В целом же, внутренность этого почтамта чем-то напомнило мне здание «Пассажа» - в нашем Питере.

Возвращаясь к теме действенности Главпочтамта, отмечу, что всем иностранным туристам здесь непременно посоветуют купить у уличных торговцев (или в киосках почтамта) красочную объёмно-складную открытку с видами Сайгона и отправить её отсюда к себе домой или своим родственникам-знакомым. Правда и то, что идти такая открытка до адресата будет весьма долго. Чаще отправители намного опережают это средство связи, приехав к себе домой гораздо быстрее, чем придёт открытка. Так что, эта открытка теперь – лишь своеобразный свидетель того, что «и я там был…»

По левую сторону от входа, через проулок, практически параллельно, вдоль всего корпуса почтамта тянутся ряды «книжного развала». Их множество. Однако, все продаваемые здесь книги – либо на вьетнамском языке, либо на английском, французском, китайском. И нигде не встретилась нам книжная продукция на русском языке и русских авторов.

И ещё, в небольшом скверике, по правую сторону перед входом в Главпочтамт, поставлена скульптурная группа – в честь первого вьетнамского космонавта – Героя Вьетнама и СССР – лётчика Фам Туана, сбившего в своё время один из двух американских бомбардировщиков Боинг-52. Сие сооружение символизирует причастность Вьетнама к покорению космоса.

А по левую сторону от входа – тоже скульптурная композиция - в виде двух вьетнамских бойцов-партизан (парень и девушка с оружием в руках) – символ повстанческого национально-освободительного движения вьетконговцев.

Обед в ресторане Сайгона

Осмотрев достопримечательности Сайгона (Хошимина) в его центре, гид Валерий, как и предполагалось, около 12 часов дня, отправил нас на обед - в один из ресторанов, расположенных на центральной

улице, неподалёку от площади. Наша группа попала туда едва ли не первой, после чего залы ресторана стали активно заполняться туристами других групп. Как и в отеле, в этом ресторане (даже не запомнил его название) принцип «шведского стола». То есть, заняв предназначенные для группы обеденные столы, каждый из нас индивидуально, выбирал и набирал в свои тарелки то и столько, что по его усмотрению являлось вкусно-съедобным. С выбором блюд были у нас, разумеется, некоторые проблемы. Меню, как такового, с ассортиментом и ценами, не было. Да если бы и было – на вьтнамо-французском – для нас всё равно, что китайская грамота. И спросить было не у кого. Ориентировались по внешнему виду содержимого. Проще было с мясными и рыбными блюдами, фруктовыми и овощными нарезками, как и с соками или салатами. А вот «первые» блюда – сплошная загадка. Что там в них и из чего они приготовлены? К тому же, как правило, с острыми приправами и соусами. Расправившись со «вторыми», решил попробовать съестное, тут же запекаемое на сковороде в виде блина\рулета, или омлета. Оказалось, что в этом рулете начинкой явилась нарезка из кусочков мяса, колбасы, овощей и мелких неочищенных рачков-креветочек. Чем-то это напомнило мне начиночный конгломерат пиццы. В принципе, весьма вкусно.

Дамочка, сидевшая напротив, рядом с мужем, решила попробовать из его тарелки ракушку (или устрицу-?). Выковырнув вилкой содержимое и взяв в рот, она тут же, едва не подавившись, выплюнула в ладонь. Подходил за «добавками» к разным столам несколько раз и я – в основном из дегустационного любопытства: пробовал морепродукты – креветки и гребешки, политые каким-то специфическим соусом; тушеное овощное рагу. Тоже съедобно. Людмилу заинтриговала небольшая печёная на шампуре рыбка (такую я видел у рыбаков, вынимавших

мелкоячеистый невод) – узкая, тоненькая и с длинным гвоздеобразным носом. А вот на вкус ей она не очень понравилась. Соки, кофе, чаи здесь были в большом изобилии и на разный вкус. Как и свежая десертная выпечка. В завершение – мороженое в вафельных стаканчиках, наполняемое из автомата самостоятельно, и тоже – на выбор, нескольких сортов…

У-у-ух… Дайте отдышаться…

Послеобеденный променад. Рынок.

Собрав после обеда группу, Валерий провёл инструктаж на дальнейшие два часа нашего свободного времени в Сайгоне, раздав каждому карту-схему и сообщив номер своего телефона (мало ли что…). Порекомендовав сходить на центральный рынок Сайгона, наметил он и обозначил нам время и место сбора – всё у того же Собора и Главпочтамта. На 2 часа дня.

Ну, как говорится, с Богом – в «свободное плавание». Пройдя по проспекту в сторону центра, по правую сторону вскоре обнаружили мы красивое белоснежное здание, стоящее особняком - с колоннами, высоким арочным входом, поддерживаемым двумя белоснежными кариатидами. А на самом срочном верху, над входом, примостилась пара сидящих ангелов с расправленными крыльями. Арочный вид имели и стенные окна второго яруса, убегающие вглубь территории (и тут уже проявился «вьетнамский» стиль вытянутости здания вглубь двора). Им оказался **оперный театр!**

Оперный театр (Муниципальный театр Хошимина) расположен на площади Лам Сон – самого центра бывшего старого города. Как и многие другие культурные центры Сайгона, построен он был в конце 19 века французским строителями. Архитектором-проектировщиком этого замечательного по своей красоте здания был француз Феликс Оливье. Внешне это задние, высотой с

пятиэтажный дом, чем-то напоминало Малый Дворец в Париже и Гранд Опера.

А руководил всей стройкой Эжен Ферре. Здание строилось с 1895 по 1898 год. И уже в следующем, 1899 году было открыто для представлений. Во времена Южного Вьетнама (с 1956 по 1975 год) здесь заседала Нижняя палата (Ассамблея) государства.

В настоящее время здесь ставятся оперы и балеты, проводятся различные музыкальные конкурсы и фестивали. Стоимость билетов на такие концерты и мероприятия доходят до 1,5 миллионов донгов. Вместимость зала составляет прядка 470 мест.

Чуть поодаль высилось кубическое высотное здание, на котором крупными буквами значилось **VINCOM CENTER**. А над этой надписью, этажей на семь - рекламный щит-телевизор с меняющимися видеоизображениями. Это было офисное здание Торгового Центра того самого вьетнамского миллиардера, который распростёр свои сферы бизнеса далеко за пределы банальной лапши быстрого изготовления, став уже и владельцем телекоммуникационного оператора связи…

Повернув от него налево, высмотрев по карте месторасположения **рынка**, мы не спеша двинулись к нему, в надежде купить там внуку обещанное «Лего» или что-нибудь оригинальное, чего не было в «наших» магазинах. Муйне. Немного всё же поплутав, наконец-то вышли к торговым бесконечным рядам. И, пройдя немного, мы были уже изрядно обескуражены: а ничего особенного там и не было – всё тот же ходовой ассортимент товаров, что и «у нас». Нигде не обнаружили и «Лего». К тому же, цены буквально на всё были в два, а то и в три раза выше. Ну, и на кой нам такой рынок?! Правда, моя половинка, всё же не могла уйти отсюда, не сделав хотя бы какую-нибудь покупку. А купила она тут несколько сувениров-магнитиков и, кажется, обувку для

внучки (оказавшейся малой не по размеру). Всё это можно было приобрести едва ли не в любом магазинчике в Муйне, но значительно дешевле.

Повернув от торговых рядов на примеченный ориентир – самое высотное здание города, мы двинулись в обратную сторону. Пройдя немного назад, мы встретили по пути очень красивое белокаменное строение оригинальной конструкции, со множеством архитектурных украшений. Похоже, это была *ратуша или мэрия* – наверняка построенная ещё французами. Так оно и было.

Мэрия, или как официально называют это - **Здание Народного Комитета Сайгона (Сайгон сити холл)** строилось по проекту архитектора Фернанда Гардеса, предназначавшееся первоначально под элитный отель. Годом его постройки считают 1908 год. Однако удобное расположение его практически в центре города послужило основанием для размещения здесь городской ратуши. А с получением Вьетнамом независимости, в этом здании стал заседать городской Народный Комитет.

Здание построено в европейском стиле. Имеет два этажа и 200 метров длины по фасаду (вдоль улицы). Смотрится каким-то воздушным – от большого количества лепнины, барельефов, колонн, арочных окон и черепичной крыши. От центрального входа вверх уходят три основных башни. Центральная - самая высокая, с часами и государственным флагом Вьетнама. И две симметричные боковые башни, украшенные также лепниной, барельефами и различными скульптурами.

Внутри самого здания находится порядка 100 комнат и большой, на 800 человек, зал заседаний. Всё это сопровождается замечательным уникальным интерьером.

В комплексе ратуши-мэрии после объединения Вьетнама, через дорогу-улицу, был установлен памятник вождю Вьетнама. На мраморно-красном пьедестале было скульптурное изображение сидящего Хо Ши Мина с

ребёнком на коленях и с книгой в руках. Эта скульптура, выполненная художником Нгуен Минь Чау, символизировала связь с грядущими поколениями.

Прямо от этой ратуши, через улицу, перпендикулярно, начинался **Сайгонский «Арбат»** - пешеходный проспект, наряженный по случаю Нового года Тэт, всеми мыслимыми и немыслимыми украшениями, яркими живыми цветами и скульптурными композициями, символизирующими наступающий год Мыши или Крысы.

Едва мы попали от ратуши на этот проспект, как на нашем пути возник памятник самому почитаемому во Вьетнаме человеку – Хо Ши Мину. Он **стоял**, спиной к мэрии, устремляя свой взор (как и наш вождь В.И. Ленин) вдоль проспекта - в светлое будущее вьетнамского народа, правой рукой указуя этот путь. Ну, и как тут было не сфотографироваться (запанибрата) с вождём, запрокинув в приветственном жесте и ему свою дружескую руку?!

Замечу к сему. Памятник этот, в полный рост, семиметровой высоты, был поставлен на прежнем постаменте, вместо сидящего вождя, в 2015 году.

И чем дальше мы продвигались по проспекту, тем больше народа его заполняло. Признаться, преобладали толпы китайцев, кои безошибочно угадывались по марлевым маскам-повязкам на лицах и восторженно фотографирующиеся во всяких изощрённых позах.

Не могли и мы с Людмилой не оставить память об этом замечательном месте и дне пребывания в Сайгоне на карте памяти моего зеркального аппарата. А фоном служили: великолепный фонтан с распустившимся крупным розовым лотосом посредине; дружелюбно-скульптурные группы мышей и крыс; огромный подносваза с яркими экзотическими тропическими фруктами; решетчатая шпалера с витиеватыми цифрами наступающего нового года – 2020; огромная клумба с цветущими (настоящими) орхидеями самой разной

расцветки; вазы и вазоны с крупными золотистыми цветами хризантем… И куда ни глянь – высотки-небоскрёбы современного сити! В том числе и 64-этажное здание (башня Bitexco Financial Tower) жилого квартала вьетнамского магната-миллиардера.

Парочка девиц из нашей группы предлагала нам податься к этому зданию и подняться на его смотровую площадку. Мы отказались, а, видимо, зря – можно судить по тем восторженным отзывам тех самых девиц уже на обратном пути в Муйне…

Зато по пути к месту сбора забрели мы в одну из **уличных галерей**, где были выставлены очень яркие картины живописи, ещё вовсю пахнувшие масляными красками. Это был своеобразный вернисаж: полотна героического эпоса; ярко-сочные натюрморты (тропических цветов и экзотических фруктов), пейзажи и бытовые сцены, в которых присутствовали крестьяне в своих национальных конических шляпах, рыбаки в лодках, женщины с палками-коромыслами на плечах; городские (урбанистических) пейзажи и жанровые сцены – с домами и улицами, заполненными людьми, байкерами и даже велорикшами; портреты вьетнамских людей, лирические и любовные сцены – вплоть до ню-обнажёнки, но в каком-то стиле кубизма… И получили мы от их созерцания немало удовольствия и положительных эмоций…

Собравшись вместе, никого не потеряв и не забыв, наш автобус, переполненный эмоциями его пассажиров, в начале третьего часа дня отправился обратно. И где бы мы ни ехали по городу, отовсюду была видна знаменитая высотка-башня, ставшая визиткой-ориентиром Хошимина. Кстати, названия города – как прежнее Сайгон, так и нынешнее Хошимин, - здесь равноценны в употреблении. (Попутно замечу, что пытаясь хотя бы чуточку проникнуть вглубь истории этой страны, я немало поплутал по

совершенно различным названиям одних и тех же городов, сооружений и храмов нынешнего Вьетнама…).

Как уже упомянул, на обратном пути явно проявился национальный менталитет нашего гида: посачковать, если есть такая возможность. Чтобы занять своих подопечных туристов, он включил видеофильм «Индокитай», исполнительницей главной роли в котором была известнейшая и обаятельнейшая французская кинозвезда Катрин Денёв (чем-то похожая на нашу Марию Шукшину). Фильм этот длился едва ли всё время нашего обратного пути. Весьма интересен и познавателен. В нём – как раз и повествуется о последних двух-трёх десятилетиях колониального владения Индокитаем французами; сам город Сайгон, французские фактории, а также сопротивление и начало национально-освободительного движения. Интересны в нём сцены, показывающие плантации гевей, получения и сбора из них сока – сырья для латекса; изготовление латекса на фабрике, владельцами которой является семья французов. Каторжный труд, вплоть до латентного рабства аборигенов. И всё это подано на фоне красивой и романтической любви французского морского офицера и девушки-метиски, ставшей одним из лидеров сопротивления… Одна беда при просмотре этого фильма – мой слух, и половины того, о чём там говорилось, я не разобрал. Очень жаль…

А за поездку-экскурсию в Сайгон нашего гида Валерия я отблагодарил презентом своей книжки «Гоа – это тоже Индия?!», чем преизрядно удивил его.

29 января2020 г. Пляжно-отельная расслабуха.

Экскурсия в Сайгон оставила впечатления, под которыми находимся до сих пор. Хотя, что можно увидеть в таком мегаполисе, как Сайгон, за какие-то четыре-пять часов дежурного пребывания в нём? Там, пожалуй, и за месяц специальных экскурсий всего не пересмотреть и не

познать… Но, остаётся лишь утешиться афоризмом мудрого Козьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятное». Впрочем, что там Сайгон – по сравнению с миром?! Песчинка всемирной истории, культуры и этнографии – не более того. И насколько же мизерны наши возможности и жизненный век… И ещё: а ведь многим не доведётся побывать и увидеть даже и того, что Бог отпустил на нашу долю…

А пока – релакс-расслабуха. Вот всем этим-то и надо благодарно воспользоваться. Комфортный номер отеля, обильные и вкусные завтраки в ресторане, замечательная природа и климат, экзотические фрукты и морепродукты; купание в море и бассейнах, беззаботная нега на песчаном пляже… Это ли не благо?! Особенно для нас, сибиряков, когда дома вовсю хозяйничает ещё зима…

Мою идею - подняться на ближайшую сопку (а на это я даже подговорил своих новых знакомых из Тюмени) – охладил гид Валерий:

- Можете и подняться разок. Если не боитесь змей…

- А что их там много?

- Хватает. Тут, во Вьетнаме, их более двухсот видов…

Нет, со змеями у меня не было никакого резона встречаться, тем паче, с перспективой быть укушенным этими тварями. Идея с подъёмом на гору сдулась.

Было и ещё одно нереализованное желание: съездить на платную рыбалку. Но увидев дважды, каким с неё возвращается знакомый турист из Перми, а он едва стоял на ногах и с трудом ворочал языком, и это моё желание угасало. И окончательно потухло, когда один из вернувшихся с неё рыбаков поведал, что и сам водоём-то – размером с три наших бассейна, а в него запущена, как в садок, рыба… Мало того, вместо обещанных экзотических пираний, клевали там в основном обычные окуни. Ну, что это за рыбалка на таком водоёме? Да ещё и платная! Всё равно, что ловить в аквариуме… Это мне напомнило

финал известного рыбацкого анекдота: «В позапрошлый раз ездили на рыбалку – удочки потеряли. В прошлый раз – на обратном пути одного не досчитались. В этот раз едем на рыбалку. Берём с собой по два пузыря. Удочки оставляем дома и из автобуса не выходим…»

Зато, едва ли не в самый первый выход к морю, я начал, как Робинзон, обследовать его ближайшее побережье, отходя от нашего участка пляжа километра на полтора-два в обе стороны. И если в сторону города пляжное побережье было более ухоженным и сравнительно чистым, то в сторону деревни – наоборот.

Отойдя от нас метров на четыреста в сторону города, мне уже в который раз пришлось пересечь ручей с вытекавшей из него красной водой, впадавшей в море. Этот же ручей я пересекал и по мостику, идя по улице в строну рынка. И неоднократно обращал внимание на то, что сразу от мостика, справа и слева, были спуски к ручью с красной водой. Тут же была и небольшая площадка для остановки туристических автобусов. По сходням спускались и поднимались люди. К тому же, на одной из сторон сходней, обычно находилась женщина, продававшая билеты за спуск к этому ручью. Заинтриговало. Однако, однажды попытавшись справиться у подвернувшего мне под руку белого человека - что это за ручей и чем он интересен, я и тут в ответ увидел лишь смущённо-разведённые руки.

- Извините, Вы – русский? – поинтересовался я.

- No, english, - был ответ.

… Побывав на «городском» рынке, мне уже неоднократно говорили о рынке морепродуктов в деревне Муйне. А он, точнее его место, были видны и с побережья нашего пляжа. И, судя по всему, до него было километра четыре, не менее. Вот уж к чему никак не могу привыкнуть, так это к тюленьему лежанию на пляже. Мне

непременно нужно двигаться, куда-то сходить, что-то посмотреть…

Рыбный рынок деревушки Муйне

Вот и на этот раз, оставив жену на пляжном лежаке, я решил самоходом добраться до того пресловутого рынка морепродуктов в рыбацком Муйне. И подался туда часов в десять утра своей скорой привычной походкой, босым, в одних плавках, и кепке на голове. В разведку, что называется, не прихватив с собой ни денег, ни пакета.

Миновав место, где располагалась станция учёбы и проката виндсерфинга, мне попалась довольно длинная (метров на четыреста) уклонная полоса окультуренной набережной. Она была выложена от самого начала спуска и до воды какими-то бетонными плитками с покато-пирамидальными усечёнными вершинами, размером сантиметров по сорок. В щелях и стыках между этими плитками пытались прорваться зелёные ростки растительности. А это – явный признак того, что людей почему-то тут бывает не очень много.

При этом, что удивляло: поверху здесь почти не было ни отелей, ни побережных кафешек или ресторанов. И для чего тут был окультуренный склон набережной, я так и не понял. Может быть, он когда-то служил предохранительной дамбой? Зато почти вплотную к морю, поверху, подходила автострада. А сразу за нею высились голые сопки с совершенно красным дюнным песком. Знающие туристы поговаривали, что именно отсюда начинается паломничество к **Красным дюнам** – достопримечательностям Муйне и Фантхьета.

Чем ближе я подходил к тому месту, где должен был находиться этот рынок, тем сильнее отличалась прибрежно-накатная полоса моря. Она становилась всё более захламленной и замусоренной остатками выловленных морепродуктов. А уж раковин здесь было такое изобилие и разнообразие… Ну, и, соответственно,

едва ли не с каждым моим шагом усиливалось амбре, доносимое косым ветерком со стороны мыса.

Всё это чем-то напомнило мне далёкий тихоокеанский Шикотан и бухту Крабовая, в которой находился рыбоконсервный завод, и где мы проработали полтора месяца 1974 года на сайровой путине – из «третьего трудового семестра». Там тоже стоял такой густой специфический запашок, особенно во время отлива, когда вода обнажала дно бухты, полностью усеянное рыбьими отходами… А уж бакланья в это время кружило над бухтой – в своём пиршестве… Зато здесь практически не было видно никакой пернатой живности. Разве что иногда попадались мне стайки пёстрых домашних курочек, сопровождаемые горластым и голенастым краснобородым петухом – возле ветхих рыбацких хижин, стоящих прямо на берегу. А то и выводок домашних уток плескался где-нибудь в затишке между причаленными лодками.

Понаблюдал одну занятную сценку. Недалеко от берега в море купались, игриво балуясь, молодые парень и девушка, европейского вида. И между ними – плавала крупная пёстрая домашняя утка, повторяя их движения в воде, вплоть до ныряния. А когда эта парочка стала выходить из воды, вместе с ними выплывала и утка. Отряхнувшись на берегу, она заковыляла, как собачка, за людьми – на призывное похлопывание парня ладонью о своё бедро…

Едва ли не с каждой пройденной сотней метров мне становилась всё виднее скученность рыбацких лодок и шхун, заполнявших бухту - от берега и едва ли не до самого горизонта. Создавалось впечатление, что их там бессчётно много. Самых разных форм и размеров, среди коих, пожалуй, половина приходилась всё на те же круглые смоляные корзины – тхунгчай. Между стоящими на якорях суднами маневренно шныряли моторки – то приближаясь к берегу, то удаляясь от него.

Наконец-то, минут через сорок пять, я достиг конечного места. Предо мной простиралось пространство рынка под огромным шатровым навесом, поддерживаемым многочисленными опорными столбами. Крыша рынка, как и большинства деревенских рыбацких строений, была из потемневших от времени, солнца, дождей и ветров пальмовых веток, плотно уложенных в несколько слоёв. Стен, как таковых, не было. Внутри рынка царили полумрак и некоторая прохлада. Зато запахи тут были настолько насыщенными и перемешанными, что привыкнуть к ним было просто невозможно!

К рынку вплотную подступало ответвление автострады. И на площадках, находящихся на уровне крыш рынка, останавливались автобусы и машины, подвозящие к нему покупателей, а то и просто праздных туристов. Толпы одетых людей спускались по трапам к торговым рядам и бродили, останавливаясь и скучиваясь, возле отдельных прилавков и ванн с живой рыбой, крабами, кальмарами, осьминогами, креветками, каракатицами, многочисленными ракушками… Приценивались, что-то покупали. При этом, все покупатели (и перекупщики) были одетыми, и как правило, с марлевыми повязками-масками на лицах. То же касалось и торговцев. И лишь я выделялся среди них своим голо-пляжным видом. И мне всё время казалось, что на меня смотрят, как на полинезийского дикаря, у которого отсутствует даже набедренная повязка. Вот угораздило же меня податься сюда в таком виде…

Потолкавшись между рядами и столиками, и поинтересовавшись ценами, я, смущённо, поспешил выбраться из этого хаоса и направиться в обратную сторону. А цены здесь и впрямь были значительно меньше, чем у пляжных «макашников», тем более – у ресторанных торговцев. Так, ресторанные торгаши за килограмм креветок запрашивали по 400-500 тысяч донгов. «Ладно, -

решил я, - завтра, с утра пораньше наведаюсь сюда за креветками. Ну, и что-нибудь ещё прикуплю…»

А на обратном пути насобирал целую кепку красивых ракушек, которые намеревался, присовокупив к прежним, привезти домой – для забавы малолетней ребятни – внуков и племянников.

Увы, назавтра идти сюда самоходом мне почему-то расхотелось. И я вновь подался с утра пораньше знакомым маршрутом на универсальный «городской» рынок Муйне. И снова затарил свою сумку свежими продуктами, купив при этом и килограмм свежих креветок, но уже не по 160, а по 200 тысяч донгов за килограмм. Вот они – плавающие цены рынка. Конъюнктура, одним словом…

31 января 2020 г. Пляжные знакомства. Ручей фей.

Курортно-пляжные знакомства –

ничем не обязывающие, завязываются быстро и по-своему легко: кто-то оказался соседом по столу в ресторане во время завтрака, кто-то – соседом по номеру, с кем-то вместе побывали на экскурсии, кто-то - земляком, а с кем-то в случайном разговоре выявили общих знакомых…

Вот и на этот раз, с первыми, кто указал нам дорогу от отеля к морю, оказалась парочка из Перми. И, уже купаясь рядом в море, обнаружились общие пристрастия к рыбалке. Намеревались даже съездить с ними вместе на платно-экскурсионную рыбалку.

И с тюменцами, разговорившись, сошлись быстро.

Но после того, как гид сказал мне, что на ближних сопках и дюнах можно запросто повстречаться со змеями, намерение подняться вместе с тюменцами на гору как-то отпало. Зато договорились с ними сходить на Ручей фей.

О том, что ручей с красной водой называют Ручьём фей я выявил дня через три – от парочки русских туристок, которых повстречал у мостика. Они как раз поднимались

по сходням. Я почему-то думал, что паломничество к этому ручью с красной водой как-то связано с его целебными свойствами. А оказалось гораздо проще: русло и берега этого мелководного ручья (назову это каньоном) славятся своими необычными видами.

Вот дамочки-то мне и сказали, что ходили по ручью к его верховьям, и им это очень даже понравилось; что вдоль него есть много красивых мест, где можно пофотографироваться, что там встречаются беседки и кафе, где можно перекусить и отдохнуть, а в его самом конце – небольшой водопад…

- А ещё за его посещение надо платить…- сообщила мне одна из туристок. И добавила, - правда, не очень много…

- Что-то это попахивает какой-то бендеровщиной, - высказал свои сомнения я, намекая на известный книжный эпизод, где авантюрист Остап Бендер, за посещение «Провала» стал собирать с туристов деньги – якобы, на ремонт «Провала», чтобы тот не проваливался дальше…

Свободное время у нас было. И вот, после обеда, договорившись с нашими новыми знакомыми тюменцами, самоходом мы направились к этому самому Ручью фей - с красной водой. Наверняка место это связано с какими-то давними легендами, иначе чего бы его стали так называть? Увы, гида с нами никакого не было, спросить было не у кого. И ещё. К сожалению, в Муйне, в отличие от всех предыдущих мест наших турпоездок за границу, практически не было никакой печатной рекламы на русском языке. В Нячанге, к примеру, нас просто заваливали уличные зазывалы и распространители информационно-рекламных листков и буклетов своими красочными изданиями. И кое-что полезного из этих листков и буклетов можно было извлечь для себя. Здесь же – глухо! Разве что в киосках, занимающихся продажей

экскурсионных туров иногда предлагали какой-нибудь серенький листок… Ну, да Бог с ними, с легендами…

Ручей фей

Дойдя до мостика, по сходням мы спустились к ручью, сняв свою обувь. Никаких билетёров на сей раз тут не оказалось. Вода в ручье и впрямь была на удивление красной, будто кто развёл в ней гуашь красного цвета. Впрочем, как ни странно, но наши уже изрядно подзагоревшие ноги, нисколько ею не окрашивались.

Итак, **Fairy Stream**. Или **Suoi Tien** – дословно переводятся, как «Красный ручей» или «Ручей фей».

Согласно поверью аборигенов, посещение этого места придаёт дополнительные силы и энергию. Правда и то, что в это надо поверить ещё и самому.

Ручей этот чем-то напомнил мне наш Московский Арбат, или аналогичный – в Челябинске, где не было грохота и сигналов проезжих машин, мотобайков, а по нему хаотично сновали лишь одни пешеходы.

Ручей, вверх по течению от мостика, был мелководным, едва доходившим до щиколоток, шириной всего от метра и до семи-восьми в иных местах. Вода тёплая, как и в бассейнах или в море, медленнотекущая. И никаких рыбёшек в ней, как и прочей живности мы не заметили. (Правда, в интернете я позднее вычитал, что иногда всё же в нём попадаются и змеи. Да это и не удивительно: левобережная сторона ручья была практически сплошь из джунглевой растительности).

Зато движение по ручью в это время суток было весьма интенсивным, в обе стороны. Люди, не спеша, передвигались по руслу – с фотоаппаратами и видеокамерами. Но чаше всего снимали на свои сотовые телефоны. У большинства туристов были пакеты с обувью, а то и вовсе обувку несли прямо в руках. Помимо туристов европейской внешности здесь было больше азиатов. И особенно китайцев, которых отличали марлевые маски на

лицах. Они не снимали свои маски даже и тогда, когда фотографировались. Вот уж, что и кого там можно различить на таких снимках?! Они и так-то все на одно лицо… Или нам это так кажется?

Большинство пешеходов, попадавшихся навстречу, были весьма эмоционально-возбуждёнными, явно с положительными зарядами от посещения Красного ручья.

Вначале по обеим берегам ручья была густая растительность – из лиственных деревьев, бамбука, кактусов, кустарников (местами цветущих) и прочего, растущего в тропических джунглях. Иногда попадались кокосовые пальмы, в некоторых местах даже поваленные и перегораживающие ручей. А в узких перешейках густая растительность образовывала над ручьём тенистые сводчатые арки.

Чем дальше мы продвигались вверх по красному ручью, тем чаще стали попадаться торговые точки, предлагающие мороженое, коктейли, свежие соки из плодов и тростника, разнообразные фрукты. В одном месте мы соблазнились даже дегустационными кусочками знаменитого дуриана. Вот тут-то и я впервые за всё время отважился на дегустацию этой экзотики. Запашок от него и впрямь был тот ещё, но и не сказать, чтобы уж слишком. А на вкус – и впрямь ни с чем не сравнимым. Его мякоть была нежной, пастообразной; вкус – сладко-приятный, но не приторный. И уже напрочь исчезало предубеждение, сулившее запахом. Небольшие кафешки, зацепившиеся за площадочки косогорья, предлагали лёгкий перекус и релаксацию с бутылочкой холодного пива, а то и – рюмкой рома или виски со льдом.

А метров через триста от начала нашего пути по Ручью фей путь преградила красочная высокая арка, представляющая собой своеобразный пункт пропуска дальше. По обеим сторонам арки стояло по полицейскому (или секьюрити), требующему от каждого туриста плату за

дальнейшее продвижение по ручью. Поодаль находилась и будочка, в которой продавались билеты. И стоил входной билет всего-то 15 тысяч донгов (45 рублей). Совсем ещё недавно посещение ручья было совершенно бесплатным. И опять взимание с туристов платы за практически неокультуренное место, откровенно отдавало душком российской бендеровщины. А вот суммарный навар, похоже, даже за одни сутки получается здесь весьма приличный.

Деньги, конечно, были невеликими, но за что их с нас взымали, мы так толком и не поняли, поскольку дальнейший путь по ручью не был практически окультурен: разве что убирался мусор, оставляемый туристами, да повстречалось две-три беседки и качели-тарзанки… Ну, и ещё один аттракцион: вольер, метров на пятьдесят по сторонам, в котором находилось два страуса под сёдлами. И за дополнительную плату (100 тысяч донгов) на них можно было прокатиться по периметру вольера, сидя на спинах страусов, в седлах. Но и тут были весовые ограничения, особенно для нас, европейских (и российских, в том числе) вовсе нехилых туристов – до 70 кг, не более.

И, тем не менее, как раз дальше-то и начиналось самое интересное! Ручей протекал по своеобразному каньону, стены которого с левой стороны верх по течению ручья представляли собой удивительные естественные изваяния из глино-песка, сотворённые ветром, водой, солнцем и временем. Причудливые формы этих стен напоминали чем-то картинно-марсианский пейзаж. Это были – то пологие песчаные оползни, то вертикально-крутые рельефные причудливые столбы. Местами выветренный песок образовывал намёты – большие чистейшие скопления – от самого подножия и до верху, метров на семьдесят. И трудно было удержаться, чтобы не подняться по этому раскалённому красно-дюнному песку на самый

верх. Не осилил соблазна и я, поднявшись, запыхавшийся, на вершину, зато награждённый за это отличными пейзажными снимками сверху.

Мало того, белоснежные вертикальные «плиты-полосы» соседствовали совершенно рядом с такими же, но красного цвета. При этом красноцветные изваяния, обычно, преобладали. Этот красный цвет песка и окрашивал воду ручья, глубина которого местами доходила уже и до колен. Кое-где попадались мизерные ручейки, впадающие в русло. И вода в них была почему-то теплее, чем в самом ручье. Возможно, где-то наверху, образовалось от скопления воды небольшое озерцо или лужа, и вода там прогревалась на солнце быстрее и сильнее. А уже из этого озерца, переполнившись, стекала вниз. По мере продвижения к конечному пункту маршрута, твёрдое песчаное дно всё чаще устилалось камнями, а вода в ручье становилась прозрачнее и белёсее.

Наконец, километра через полтора пути мы упёрлись в причудливый замок – всё из тех же «строительных», но исключительно серых материалов. «Замок» этот имел множество башенок и бойниц, а внутри него могло поместиться не более полудюжины человек. И я подумал: «А, может быть, тут и есть главная резиденция тех самых волшебных фей, подаривших этому ручью своё название?»

Буквально метрах в пяти и чуть позади от этого «замка» струился несколькими плоскими водяными потоками небольшой прозрачный водопадик, стекавший с семиметровой высоты. Постояв тут минут пять и сделав снимки, мы, не спеша, двинули в обратную сторону. Откуда берёт своё начло этот ручей, мы так и не выяснили, но дальше этого водопада никто из туристов обычно не ходит. И, к счастью, никаких змей и прочей жаляще-кусающей гадости мы не повстречали. Ну, и Слава Богу! Зато впечатлений и эмоций мы тут набрались на весь оставшийся вечер. И уже вечером, в отеле, я подарил

нашим новым знакомым свою книжку с автографом «Гоа – это тоже Индия?!», - повергнув их в немалое удивление. Ведь до этого я не афишировал свою причастность к клану российских писателей.

3-4 февраля 2020 г. На финишной черте.

Ну, вот и подошло к финишу наше нынешнее пребывание в курортно-вьетнамском Муйне (Фантхьете), в отеле «Sun & Sands». Как справедливо поётся у А. Розенбаума: «Всё имеет свой конец, своё начало…» Пожалуй, всё же с той разницей, что начало – обычно более радужное и перспективное, с надеждой на неведомое. А конец – всегда имеет налёт какой-то грустинки, хотя, может быть, и с облегчением…

Последние дни нашего нынешнего курортного сезона во Вьетнаме никаким особым разнообразием не отличались. Подъём в районе 6 - 7.30 утра. Обильный завтрак в ресторане отеля. Получасовая «расслабуха» после завтрака. С 8.30 и до 12 часов дня – пляж и море. После полудня и до 15.30 – «отдых» (вот так поработали!) в номере: обычно лёгкий обед из фруктов и овощей. Посещение близлежащих магазинов. Снова пляж с загоранием и купанием, часов до 5 вечера. Предужинный променад, покупки. Ужин. Телевизор, карты. Звонки домой друзьям. Иногда – вечернее купание в бассейне. Сон… В общем, сплошное беззаботное курортное сибаритство!

Правда, за это время ещё парочку раз наведывался на рынок – в сторону города. В основном, за полюбившимися свежими креветками и овощами. И за всё пляжное пребывание у моря я ни разу не прилёг (в отличие от жены) на лежанку. В лучшем случае – прямо на песок: погреть свои ревматические коленки. И каждый раз – непременно брожу вдоль побережья, уходя в обе стороны километра по полтора. В сторону города встречаются

неплохие приотельные пляжи, с чистым песком и более чистой водой. Местами, помимо «макашен», прямо на берегу попадаются массажные пункты. Салонами их назвать никак нельзя – под навесом из пальмовых ветвей - один-два массажных стола, ну, и массажисты с клиентами.

Как и инструктировал нас гид-куратор Максат, после обеда в предпоследний день справились на ресепшен о времени отбытия из отеля и города. Время нашего отбытия, как и вылета из Камрани, немного сместили к утру. И, если быть точным, отбытие из отеля - в 3.15 ночи.

Днём занимались закупкой фруктов, кофе, рома, подарков и сувениров, тратя оставшиеся разменянные деньги. И упаковкой чемоданов. А ещё на сей раз нам было разрешено дополнительно к багажному весу (по 20 кг. на человека + 5 кг. ручной клади) провезти по 5 килограммов фруктов. Купив парочку пластмассовых удобных корзинок всё у того же Вани, заполнили их фруктами: в основном – манго. Помимо них – парочка плодов питахайи (с белой и красно мякотью), один хороший сочный ананас (их-то теперь зачем везти домой – в каждом магазине продаются и не очень дорого); с десяток плодов маракуи, сахарное яблоко, по полкило лонганов и рамбутанов… Хорошо упаковали, пометив и подписав корзинки, чтобы распознать уже у себя в порту.

Ну, а вьетнамцу Ване я подарил с автографом книжку «Пхукет – остров спасённый» и парочку кедровых шишек, прихваченных с собой в качестве презентов. Такому подарку и вниманию Ваня был удивлённо-искренне рад!

Оставшиеся кедровые шишки хотел подарить горничным. Но те, увидев их, отреагировали бурно-отрицательно, зажав ладонями рты, словно от рвотного. А, может, они этим хотели показать, что боятся поломать свои зубы о наши крепкие кедровые орехи?!

И ещё. Оставались две моих книжки из цикла «Записки кемеровского туриста» - о Пхукете и Гоа.

Выставил их (а у каждой положил ещё и по кедровой шишке) на полочку свободного обмена книгами возле ресторана. И буквально через полчаса их там уже не оказалось… Приятный момент для автора – читают-с…

Примерно за час до отбытия, сдали номер дежурному, без каких-либо нареканий и замечаний, получив у него свои загранпаспорта и ланч-пакеты с завтраками. (Это когда ж ещё покормят нас в полёте?). А в пакетах, как и в прошлый раз на экскурсии в Сайгон, были уложены и расфасованы всё те же продукты, оставшиеся от вчерашнего завтрака. Но, вполне съедобные (и даже не надкусанные).

Автобус туроператора «Анекс тур» подошёл вовремя, тика-в-тику. Надо признаться, что в эту турпоездку автобусы всякий раз подходили с исключительной пунктуальностью. Я думал, что мы с женой и туристы из соседнего «Кенери» - последние на пути в Камрань. Оказалось, далеко не так. И автобус ещё раза четыре останавливался по пути, добирая в своё чрево туристов нашего кемеровского авиарейса. И опять, как и сюда, не вздремнув, всю дорогу наблюдал из окна автобуса. Кое-что уже узнавалось. Например, электростанция, ветряки, Кана – в которой мы почему-то на сей раз даже не остановились передохнуть. Радовали глаз не только окрестные пейзажи – в утреннем рассвете, но и просыпающиеся селения. Удастся ли когда ещё побывать здесь? Вряд ли…

Как ни странно, хотя и прибыл наш автобус в аэропорт Камрани вовремя, мы оказались последними в длиннющей очереди пассажиров на наш рейс. К регистрации билетов и отправке багажа двигались медленно. Опасались за свой багаж: а вдруг да обнаружится в нём что-либо недозволенное (например, коробка с ракушками, излишнее количество рома, или запрещённый к вывозу вьетнамский рыбный соус? Или, упаси Боже, - дуриан…) При этом, настоятельно

советовали после регистрации билетов и сдачи багажа подождать минут десять: а вдруг по громкой связи передадут, что багаж почему-то не проходит?

Слава Богу, обошлось, и наша фамилия не прозвучала по громкой связи (в которой из-за акустики всё равно было ничего не разобрать). Зато мы успели перекусить в эти десять минут содержимым ланч-пакетов.

Моя Людмила где-то услышала, что за регистрацию билетов аэровокзале могут запросить сотни по полторы (тысяч) донгов. Вот и заначили этот минимум – мало ли что? Нет, никто с нас дополнительно ничего не затребовал. Попав в накопитель, на покупки в «Дьюти фри», чтобы потратить донговую заначку, времени почти не оставалось. Пришлось взять (втридорога) то, что попалось под руки: парочку плиток шоколада, упаковочный набор кофе «кули». И всё равно ещё оставалось полторы сотни тысяч… Пригодятся ли они - когда и где теперь нам?

Места нам достались и теперь самые оставшиеся – в последнем 40-м ряду. Зато самыми первыми мы получали прохладительные напитки и завтрак. И мимо нас во время полёта никто не шастал в туалет.

Полёт, семь с половиной часов, прошёл спокойно. И в который раз уже удивляли бескрайние и необозримые просторы гор и пустынь под нами…

Содержимое наших чемоданов, как и корзин с фруктами, оказалось в полной сохранности. Зато ручка у баула была напрочь оторванной – это ж надо было так умудриться грузчикам! Ну, да, не велика беда...

А у себя, в кемеровской квартире, были мы уже около семи часов вечера.

Ну, с благополучным возвращением!

Кемерово – Муйне – Кемерово,
22 января – 1 марта 2020 год.

ББК 84(2Рос=Рус)6
А 84

Литературно-художественное издание

АРНАУТОВ ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ

МУЙНЕ - ВЕТЕР С МОРЯ

(Дневниковые заметки кемеровского туриста)

Подписано в печать 26. 03. 2020 г.
Бумага офсетная 80 г/кв. м. **Тираж 200 экз.**

Отпечатано в типографии РПА «Ректаймс».
650033, г. Кемерово, ул. Черемховская, 1В